

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
Тезисы докладов Третьего международного научного семинара
(19 апреля 2018 г.)**

**Екатеринбург
2018**

УДК 811.1/8
ББК 81.1
А42

А42 **Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований.** Тезисы докладов Третьего международного научного семинара¹ / Под ред. Ю. Н. Михайловой. – Екатеринбург: Издательский Дом "Ажур", 2018. 60 с.
ISBN 978-5-91256-406-2

УДК 811.1/8
ББК 81.1

ISBN 978-5-91256-406-2

© УрФУ, 2018.

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

СОДЕРЖАНИЕ

Бортников В. И., Бортникова А. В. Семейные ценности в святочном рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Искорки»	4
Вепрева И. Т. Жизненное пространство женщины: ценностные аспекты повседневных поступков	8
Гертнер Е. В. Гендерно ориентированные мастер-классы: трансляция ценностных установок	10
Данилов С. Ю. Неформальная аналитическая беседа в жизни молодой семьи	11
Дао Динь Тхао. Язык как ценность (по данным русской фразеологии)	15
Ицкович Т. В. Тема детства в живой разговорной речи современной молодежи	16
Косульникова Ю. С. Оценочное отношение носителя языка к результатам графического креатива	20
Купина Н. А. Ценностные ориентиры участника Великой Отечественной войны	21
Матвеева Т. В. О бивалентных репликах разговорного диалога	23
Михаил (Северин). К вопросу описания религиозно-нравственных ценностей	26
Михайлова О. А. Забота о близких как семейная ценность	27
Михайлова Ю. Н. Нравственные ценности в беседе матери с дочерью	29
Орешкина Е. А. Самопрезентация в речи регионального политика: к портрету А. Буркова	31
Пикулева Ю. Б. О повседневных практиках фиксации фрагментов устной семейной коммуникации	32
Попова А. И. Типология ценностей в личной христианской молитве	34
Пырикова Т. В. Аксиологический потенциал литературного онима	35
Савенков А. Д. Аксиологически маркированные характеристики в свертке современного рекламного буклета	37
Сальникова А. Р. Положительная оценка в межпоколенческом семейном диалоге	38
Уонг Минь Туан. Формирование положительного образа Вьетнама в советских и постсоветских СМИ	40
Феденева Ю. Б., Юшкова Н. А. Ценность чтения в среде студенческой молодежи	42
Цзя Пэнлин. Аксиологические основы внутрисемейных отношений	45
Чиклина А.В. Аксиологическая составляющая спорных текстов	46
Чэн Юйсяо. Ценностные черты Китая в языковом сознании русских студентов	48
Шалина И. В. Религиозно-нравственные основания семейной жизни (на материале наставлений св. прп. Амвросия Оптинского)	49
Юань Сычао. Любовь – ключевое слово русской ментальности	53
Юшкова Н. А. Аксиологический потенциал сочинений ЕГЭ по русскому языку в контексте изучения языковой личности	54

Бортников В. И.
преподаватель,
Бортникова А. В.
преподаватель

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В СВЯТОЧНОМ РАССКАЗЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ИСКОРКИ»²

Рассказ Д. Н. Мамина-Сибиряка «Искорки», впервые опубликованный в «Иллюстрированном журнале для детей старшего возраста» (1882, кн. 1), относится к так называемому «второму дебюту» писателя (Г. К. Щенников) – периоду 1881–1882 гг., когда (в отличие от «безымянного» «дебюта первого») «закладываются основы повествовательных и стилевых особенностей всего дальнейшего творчества писателя, вырабатывается свободная форма жанровой организации произведений 1880-х гг.» [Бортникова 2016: 63].

Одно из немногих критических замечаний о самом рассказе находим в послесловии к первому тому «Полного собрания сочинений» писателя: «В 1881–1882 годах совершается новый литературный дебют Д. Н. Мамина. На этот раз писатель выступает уже со «своей мыслью» и начинает подписываться собственным именем. Теперь он обращается к актуальным проблемам современности: к новой кабале горнозаводских рабочих и уральских крестьян в пореформенное время («Сёстры», «Все мы хлеб едим»), к тяжелому и опасному труду вольнонаемных сплавщиков металла по Чусовой («На Чусовой», «В камнях»), к вопросам семейного воспитания («На рубеже Азии»). В нем проглядывает даже «сердечный талант» будущего детского писателя (святочный рассказ «Искорки»). Но и прежние, традиционные для него темы освещаются по-новому, например, бегство «разбойников» в кержацкие скиты [Щенников 2002: 889].

Уже из приведенного фрагмента послесловия проф. Г. К. Щенникова видно, что вопросы, связанные с семейным укладом уральского быта, не чужды Мамину-Сибиряку и в других текстах названного периода. В рассказе же «Искорки» эти вопросы проступают с наибольшей аксиологической рельефностью.

Сюжет рассказа прост. Канун Нового Года. В далеком сибирском городке, в маленьком домике, старушка-мать дошивает ситцевое платье девочке. Сама же девочка долго помогала маме, но теперь устала и просто засыпает рядом.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

– Мама, о чем ты думаешь? – спрашивает девочка.

– О многом думаю, Маша...

– **Сегодня должно быть очень весело богатым детям**, – задумчиво говорит девочка, растирая уставшие пальчики. – **Сколько у них будет новых подарков... Как они весело танцуют...** [ПСС, т. 1: 702]

В первом диалоге рассказа намечается аксиологически маркированная оппозиция «богатые – бедные». Возникает она, естественно, в мыслях людей небогатых (сам Мамин нередко включал в тексты пословицу «Сытый голодного не разумеет»). Однако принадлежности главных героев к беднякам противоречат следующие два фрагмента:

*В бедных избушках **огоньков нет совсем**, потому что бедные люди привыкли ложиться рано и в темноте думают свои тяжелые думы о том, как будут перебиваться изо дня в день в наступающем году. <...>*

*На углу одной улицы стоит небольшой деревянный домик в три окна. Его почти совсем замело снегом, и только к самым воротам проделан в сугробе узкий коридор. **В окнах видится свет**. В небольшой угловой комнатке, на старом диванчике сидит старушка в очках и торопливо шьет детское ситцевое платьице...* [ПСС, т. 1: 702]

Итак, по дифференциальному признаку «наличие / отсутствие света в окнах» (ассоциативная связь с заглавием) герои не являются бедными. На отсутствие богатства при этом указывает невозможность участия девочки Маши в празднествах для богатых детей (о чем та очень мечтает), отсутствие подарков, а равно ряд контекстных маркеров-диминутивов: ***небольшой** деревянный домик, в **небольшой** комнатке, на старом диванчике*. Мечты Маши разворачиваются в целый композиционный блок сна, где она танцует, лакомится фруктами, предлагает поесть их маме, так *уставшей шить ей ситцевое платьице* [ПСС, т. 1: 703]. Диминутив *платьице* сопровождается маркером *ситцевое*, т. е. ‘дешёвое’.

Старушка не прерывает сон Маши, а вспоминает счастливое прошлое: *Они никогда не были богаты, но не видели ни холода, ни голода; у них был свой домик, лошадка, коровка... Муж старушки был учителем гимназии. Накануне Нового Года он всегда делал им какие-нибудь дешевенькие подарки* [Там же]. Включаются следующие ценностно маркированные смыслы: ‘полнота семьи’ (муж, жена, оба ребенка – Илюша и Маша), ‘отсутствие бедности’, ‘подарки к Новому Году’ (диминутив *дешевенькие* становится положительно оценочным). Оппозиция «невесёлое настоящее – счастливое прошлое» подкрепляется тем фактом, что мужская половина семьи не может встречать Новый Год вместе с женской: муж старушки давно в могиле, а сын Илюша учится и работает в Петербурге.

Сон Маши и мысли старушки прерывает приход почтальона с телеграммой. Пишет Илюша с поздравлениями и сообщением, что *деньги получил и вышлет на днях*. Аксиологема *деньги* оказывается мнимой, что видно из реакции старушки: *Она не столько рада деньгам, сколько тому, что ее Илюша жив*. Главная ценность пришедшей телеграммы – ребенок, заботящийся о матери и сестре. Деньги он, студент, получил за статью, которую приняли к печати. Как следствие, в дальнейшем диалоге намечается аксиологема ‘наука, образование’:

– Учись, Маня... Нам, беднякам, **наука – всё**, говорил твой отец. Если бы люди не учились, они не умели бы писать хороших умных статей и не было бы телеграфов. <...> Ведь ты у меня тоже будешь учиться, моя крошка?

– Много буду учиться, мама... – лепетала девочка, засыпая.

Старушка благословила еще раз Машу, и **будущая ученая женщина** заснула как убитая [ПСС, т. 1: 705].

При развертывании аксиологема ‘наука, образование’ и возникает тема телеграфа:

– А как, мама, устроен телеграф?

– Это трудно объяснить, милочка. Когда будешь больше, тогда в гимназии тебе всё покажут.

– Мамочка, пожалуйста, расскажи, как устроен телеграф, – упрашивала девочка.

Старушка объяснила, как умела.

– Теперь понимаю, – говорила Маша. – От нас до Петербурга натянута железная проволока, а по ней бегут синие искорки. Так?

– Да, пока с тебя будет.

– Одна искорка шепчет: «мама», другая: «дорогая»... Так? [Там же]

Тема телеграфа оказывается центральной для анализируемого текста. Это доказывается на уровне абсолютно сильной позиции – заглавия «Искорки», а равно через абзац вступления – рассуждение, на первый взгляд не связанное с основным повествованием [Созина 2016].

Всякий, конечно, видал эту железную паутину, которая охватила теперь весь земной шар: я говорю о телеграфных проволоках. Куда бы вас ни забросила судьба, вы везде встретите правильный ряд столбов с натянутыми на них проволоками <...> Сколько слез, радости, горя, надежд и забот с быстротой молнии разносят эти железные проволоки по всему миру, пересекая его из конца в конец. Если бы эта система телеграфных проволок, аппаратов и электрических батарей могла чувствовать всю ту массу добра и зла, какую она разносит каждый день, каждый час – она не выдержала бы и, наверно, погибла бы с радости или с горя. Но ведь эти проволоки ничего не чувствуют... [ПСС, т. 1: 701].

Телеграфные искорки метафоризируются, становятся символом семейного общения. Во втором сне, завершающем рассказ, девочка видит, как эти искорки *бегут и шепчут свои словечки*. Повествователь подробно останавливается на известиях, передаваемых искорками: *«Я далеко... невеселые вести несут: умерла маленькая девочка от скарлатины»*; *«Я лечу из теплых краёв: хлеб будет дорог...»*; *«Я... несут приятное известие одному старичку: у него родился внучек, такой славный мальчик!»* Отметим цветовое наполнение образа: невеселые новости передаются зелеными искорками, розовые же несут приятные вести.

Завершающий этап метафоризации – превращение самой Маши в искорку. Она летит над лесом, горами, городами (аксиология ландшафта у Мамина-Сибиряка не раз становилась темой специальных исследований [Зырянов 2012, Мельникова 2013]) и прилетает в Петербург. Пусть и во сне, девочка видит Илюшу:

– *Я так рад, так рад, – слышит Маша голос брата. – Теперь могу обеспечить мать на целый год. Поздравьте, господа! У меня есть сестренка, Машурка. Вот ее нужно будет учить...* [ПСС, т. 1: 706].

Итак, семейные ценности в святочном рассказе Мамина-Сибиряка «Искорки» идентифицируются в свете аксиологических смыслов ‘единство семьи’, ‘полнота семьи’, ‘семейное общение’, ‘наука и образование’. Вторичными, куда менее важными для ощущения счастья оказываются интегрема ‘деньги’ и дезинтегрема ‘бедность’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бортникова А. В. Жанры малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: поэтика повествования: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.
2. Зырянов О. В. Художественная аксиология Д. Н. Мамина-Сибиряка. Общероссийский статус уральского писателя // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Т. 108. № 4. С. 124–136.
3. Мельникова А. В. Уральский ландшафт в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка первой половины 1880-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1-2. С. 190–193.
4. ПСС = Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. в 20 т. Т. 1. Художественные произведения 1875–1882 гг. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. 912 с.
5. Созина Е. Искусство рассказа: Д. Мамин-Сибиряк и А. Чехов // Русская словесность. 2016. № 5. С. 39–47.

6. Щенников Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина-Сибиряка // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. в 20 т. Т. 1. Художественные произведения 1875–1882 гг. Екатеринбург, 2002. С. 876–896.

Вепрева И. Т.
профессор

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЖЕНЩИНЫ: ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПОСТУПКОВ³

Записи живой разговорной речи, предпринятые в рамках исследовательского проекта, дают возможность представить бытовую повседневность как место прямой коммуникации, позволяющей зафиксировать специфические способы переживания опыта, характерного для женщин, выявить особенности женской аксиосферы.

Объектом анализа является запись бытовой беседы двух взрослых сестер (возраст – 42 г. и 45 лет), которые встретились семьями в доме одной из сестер накануне праздника 9-е мая. Приготовление салатов, которым занимаются женщины, протекает на фоне непринужденной беседы, в ходе которой собеседницы вспоминают общую знакомую Максуниху. Выделенный для анализа тематический фрагмент позволяет выявить ценностные аспекты обыденной жизни, связанные с жизненным пространством женщины.

Аксиологическим базисом данного фрагмента беседы является взаимопонимание в семье. Ценность солидарности основана на практике родственных отношений, связанных общими взглядами на жизнь, на нормы жизненного поведения. Максуниха, общая знакомая обеих сестер, – тип женщины, которая достойна осуждения. По ходу беседы она и ее дочь получают характеристики, которые формируют аксиологическую парадигму: *хавронья, ребенок, нахалка, дура, она такая, какая-то ненормальная*. Эти единицы, являясь тематическими, в то же время аксиологически нагружены.

Максуниха – знакомая, повседневные поступки которой во многих жизненных ситуациях не соответствуют тем правилам и нормам, которые в рамках русской просторечной культуры считаются незыблемыми. Главная аксиологически нагруженная лексема, которая повторяется в тексте дважды, *хавронья* толкуется как «разг.-сниж. О полной, **неловкой** женщине» («Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой). Отношение к

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Максунихе, женщине-неумехе, снисходительное, поэтому ей многое прощается, хотя при этом ее поведение осуждается и критикуется. Собеседницами констатируется альтернативная модель поведения, которая ими не принимается.

Максуниха – мать, которая не умеет позаботиться о больной дочери, хлопоты о ней она перекладывает на чужих людей, позволяя покупать продукты для больной дочери чужим людям: *Грит «Светке бы / Светка тоже любит / надо бы ей завести // Вы меня с собой завезете? Вот Светка бананы любит» // Она ни у одного магазина не вышла.* Синтаксические структуры побудительной семантики, присутствующие в тексте, предписывают выполнить определенную норму: *Возьми да выйди / да купи / Ты же мать.* Повтор в тексте конструкции *Возьми да выйди / да купи* усиливает нормативность предписания. Преобладание установки на себя (эгоизм, жадность) является предосудительным в глазах собеседниц: *Грю/ «Поехали картошку жарить? Мы ее с курицей сделаем» // Потом спрашивает/ «А вы меня увезете?»*

Максуниха не умеет готовить: *Слушай / она / ты бы видела /как кольцами режет лук // Она вот тут-то обрезала / тут и вот так луковицу стала резать поперек // Какие там кольца будут? Она не так режет / а вот так (показывает) //*

Чрезмерная открытость Максунихи граничит с наивностью: *«Накатали хоть меня досыта» / грит она // Ну ребенок / ей богу.*

Дочь Максунихи ведет себя также бесцеремонно, не соблюдая общепринятые нормы поведения, например, звонит знакомым после длительного перерыва, не представляясь: *Какая Света звонит / думаю какая-то ненормальная.*

Когда Максуниха пытается позиционировать себя в глазах окружающих в качестве образцовой хозяйки, ей не верят: *Тут приехала Максуниха увидела муку и грит //(меняет голос) «Чё у тя за мука? Ой / надо купить тоже такую же / А че за фарш / ой да ить хороший // Надо будет тоже купить и тоже ченить постряпать // Хавронья / думаю.*

Из осуждения Максунихи и ее дочери выявляются ценности, которыми должна обладать русская женщина: быть заботливой матерью, уметь вкусно готовить, быть щедрой по отношению к другим людям, не жить за счет других, быть деликатной, ценить заботу чужих людей. Постулируются ценности внешнего обхождения: необходимость проявлять деликатность, скромность, уважение, приветливость.

Выделенный для анализа тематический фрагмент записи живой разговорной речи отражает две категориально-оценивающие системы, вступающие в противоречие: социально-нормативную систему, утверждающую ценность уважения, щедрости и скромности, и эмоционально-перцептивную систему, основанную на антипатии к осуждаемому лицу.

ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ МАСТЕР-КЛАССЫ: ТРАНСЛЯЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК

В наши дни популярность приобрели ориентированные на целевую аудиторию мастер-классы, которые проводятся женщинами, добившимися успеха. В их числе Л. Ленина, Ю. Михалкова, О. Робски, К. Собчак, И. Хакамада. Стратегическая установка – тиражирование ценностей, совокупность которых отражает определенный лингвокультурный типаж, в значительной степени сформированный под влиянием глянцевого культуры. Ценностные предпочтения современной женщины, транслируемые на мастер-классах: успех в карьере, счастливая семья, гендерное равенство.

Аксиологическая установка: совмещайте успех в карьере и счастливую семейную жизнь; исполняйте ролевые обязанности жены, матери и бизнесвумен.

К. Собчак в разных городах России и ближнего зарубежья проводила мастер-классы под общим названием: «Собчак – это бренд. Теория успеха». Она предлагала слушателям два ставших стереотипными способа достижения успеха. Первый – создать компанию, которая станет брендом; второй – сделать брендом себя. Бренд выполняет рекламную функцию: продвигает товары и собственное имя. Брендный стиль мышления внедряет современная массовая словесность. Жанровой разновидностью последней является гендерно ориентированный мастер-класс.

27 октября 2017 года Ксения Собчак провела в Екатеринбурге мастер-класс «Тайм-менеджмент молодой мамы». Она рассказала о том, как организовать свое время, органично сочетать роль молодой мамы с другими социальными ролями. Тенденцию к координации ролей, а также к их трансформации фиксируют исследователи: «...несмотря на <...> пропаганду традиционных ценностей семьи, женщины твёрдо решили не ограничиваться только лишь семьёй и домашним хозяйством» [Алексеева 2016: 5]. Собчак транслирует установку, охваченную модальностью долженствования: *Женщина может и должна совмещать карьеру и материнство. Я выступаю за гендерное равенство*. Она отстаивает конституционные права женщин: принцип гендерного равноправия зафиксирован в ст. 19. п. 3. Конституции РФ «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [Конституция РФ: 7]. Гендерное равенство интерпретируется как фундаментальная ценность.

14 марта 2018 года Ирина Хакамада провела в Екатеринбурге мастер-класс «Драйв, кайф и карьера». В рекламном объявлении четко обозначен целе-

вой адресат: *Внимание! Этот мастер-класс – только для женщин. Узловые вопросы: Как всегда быть в форме; Как начать новую жизнь в любом возрасте; Как вести переговоры с начальником-женщиной и начальником-мужчиной; Как совмещать карьеру и семью.* Семья и карьера трактуются как параллельные ценности. Важный принцип: мужчина и женщина имеют равные права на то, чтобы стать лидером, руководителем. Основные ценностные предпочтения современной женщины выражены в следующем тезисе: *Активная мама и счастливая семья. В поисках партнерских отношений.* Партнерство трактуется как фундамент внутрисемейных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. М., 2015.
2. *Алексеева А.Ю.* Гендерные роли: тенденции изменений // Гендерные ценности в XXI веке / под ред. Л.А. Савченко. Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2016.

Доклад рекомендован доктором филологических наук, профессором Н.А. Купиной

Данилов С. Ю.
доцент

НЕФОРМАЛЬНАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ БЕСЕДА В ЖИЗНИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ⁴

Семейное общение определено взаимодействием супругов, родителей и детей, других совместно проживающих или регулярно взаимодействующих родственников. Оно, как правило, представлено бытовыми диалогами и рассказами, короткими информативными разговорами по телефону, разговорами по душам, нравоучительными разговорами с детьми, беседами о будущем, в которых планируется отпуск или обсуждается покупка земельного участка, ссорами. В этих более или менее ритуализованных микрообрядках поддерживаются ценности конкретной семьи и русского семейного общения в целом.

Молодые супруги формируют семейное общение не только под воздействием усвоенного в детстве коммуникативного опыта своих родителей и родственников, но и в опоре на представление об интересном, актуальном общении современного человека, который постоянно взаимодействует с медиапростран-

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

ством: переписывается, слушает музыку, читает новостные заметки и многочисленные публикации, смотрит видео. Современные медиа, как известно, могут подменять непосредственное общение близких людей, но существуют и другие коммуникативные практики взаимодействия молодых супругов, отсылающие нас к опыту совместного семейного чтения или прослушивания музыки с последующим обсуждением впечатлений.

В нашем материале зафиксирован семейный диалог молодых супругов, который может быть назван аналитической беседой.

Беседа предполагает равноправный развернутый (среднего или большого объема) обмен мнениями по интересующему стороны вопросу, характеризуется тематической целостностью и установкой на взаимоуважение. Термин *аналитическая беседа* используется в журналистике. В отличие от интервью, в нем конституированы равноправие коммуникантов, а также установка на объективное и детальное обсуждение предмета речи. В аналитической беседе допускается столкновение мнений по обсуждаемому вопросу, но, как правило, нет цели переубедить собеседника, выяснить, кто ближе к истине.

Прежде чем перейти к рассмотрению жанровых черт семейной аналитической беседы и реализованных в диалоге ценностных установок, охарактеризуем коммуникантов и специфику выхода на обозначенный жанр. Возраст коммуникантов — до 25 лет, высшее образование, муж — дизайнер (по образованию — физик), жена — госслужащий (по образованию — журналист), находится в отпуске по уходу за ребенком, живут отдельно, снимают квартиру. Ситуация записи: поздним вечером супруги уложили ребенка, жена готовилась ко сну, муж в это время начал смотреть видео, которое они досмотрели вместе и, по заведенному в семье обычаю, тут же, перед сном, обсудили (видео 17 минут, время записи диалога 47 минут). Исходным текстом послужило просмотренное супругами экспрессивное объемное иноязычное (с русским закадровым переводом) видеосообщение о негативном влиянии поп-культуры на сознание людей, о попытке последователей постмодернизма и марксизма разрушить ценности западного мира и пр.

Формально и содержательно перед нами действительно аналитическая беседа: предмет речи соответствует заявленному (поп-культура, ее роль в мире и некоторые существенные черты, принятие или отрицание положений, высказанных в исходном тексте). Движение темы определяется детализацией предмета речи, уход от темы подвергается контролю (*Ой/ ну ладно/ мы отходим от темы*). Реплики объемные, типичны высказывания от 100 до 200 слов, при этом встречается и обмен относительно короткими репликами, подтверждающими, что перед нами аналитическая беседа в сфере непринужденного межличностного общения:

М...*Слушай/ пока говорил эту фразу потерял мысль... (пауза) А! Марксизм! Это было очень странно// По сути одной из главных идей/ которая влечет за собой переосмысление ценностей/ скажем/ в более какую-то...а... возвышенную сторону вдруг внезапно стали виноваты в том/ что сейчас происходит с поп-культурой//*

Ж. *Мне вот непонятно/ почему именно они...*

М. *Да// Я тоже не понимаю почему они//*

Ж. *А почему не фашисты?*

М. *Да Бог с ними/ с фашистами!*

Ж. *Такие непонятные для меня варианты// А почему не «капиталисты грёбанные»? Вот почему не они? Они перенасытили рынок/ извините меня// А при чем здесь марксисты то?*

М. *Мне тоже непонятно// Он скорей всего имел ввиду то/ что... ну то есть модернизм/ постмодернизм// И что дальше...*

Ж. *А модернизм и постмодернизм и в капиталистических странах существовал как явление// А поп-арт/ извините меня/ кэмпбелла//*

В аналитической беседе супругами устанавливаются ценности взаимопочтения, интеллектуального взаимодействия, где собеседник, осознав намерение говорящего, готов выслушать и поддержать развернутое высказывание:

Ж. *Но... Ты не забывай/ что он немножко мыслит-то поверхностно// И то/ что показано/ ну... он говорит о том/ что искусство из себя сейчас представляет больше какую-то свалку// Это...*

М. *Не/ я с ним согласен в этом плане// Если говорить о поп-культуре...*

Ж. *Ты дашь мне сказать?*

М. *Да/ говори...*

После этой реплики следует самое объемное высказывание диалога (более 300 слов), в котором дается отношение к искусству (*я хочу лишь подчеркнуть/ что искусство выражает проблемы сво... текущего времени*), предлагается версия интерпретации современного состояния культуры (*такое искусство/ ясное дело/ непонятно/ но оно несёт в себе/ как правило...// я не пытаюсь анализировать какого-то конкретного современного художника/ я говорю про то/ что оно показывает вот эту вот поверхностность и её последствия*), определяется специфика потребительского отношения (*ты приходишь за чем-то возвышенным/ а не находишь ровным счётом ничего/ потому что не к чему сейчас прикоснуться — все является элементом потребления... это... причем/ жадного/ бесконечно возможного потребления/ которое имеет границы только «от зарплаты до зарплаты»// А все остальное — оно максимально доступно*), фиксируются трудности индивида в обществе потребления (*Ты не пытаешься чем-то восхититься/ потому что сейчас выбора чем за-*

няться/ выбора чем восхищаться/ выбора к какой группе людей примыкать — оно настолько огромное/ что среди вот этого... этих декораций/ ты сам по себе как сущность/ как личность теряешься). Кроме того, выражено косвенное отношение к автору исходного текста (*многие люди/ теряясь в этих декорациях/ не могут найти себя/ найти «внутреннего»/ и не пытаются собой заниматься/ себя развивать... не для того чтобы на Ютубчике умные мысли говорить/ а чтобы просто для себя быть вполне адекватным человеком*).

Вместе с тем молодые супруги вплетают в аналитическую беседу традиционные для семейного общения ценностные высказывания, которые формируют тональность аксиологического согласия, гармонизируют общение: Ж. *И деды про вкусы наших родителей то же самое говорили*; Ж. *<поймут> что жизнь заключается в продолжении рода/ что семья — это не плохо/ измены — это плохо*; М. *с точки зрения опять же человека/ который там всю жизнь жил в деревне и охотился на оленей — мы абсолютно расхлябаны// Мы же живем в своих джунглях и по-своему добываем еду/ да*; Ж. *станут старше/ у них появятся куча детей/ забот/ кредитов// Их это волновать вообще не будет*.

Традиционный аксиологический фон семейного общения поддерживается следующими текстовыми фрагментами: объяснение собственного мнения по волнующему вопросу, обращение к общим воспоминаниям, примечательные события дня. Например:

Ж. *...хожу гулять с ребенком — родители <своими> не занимаются/ им не интересно смотреть на ребёнка// Они смотрят в свой телефон// Или/ сегодня/ тоже шла домой из магазина: мамаша вела коляску и на телефон/ на фронтальную камеру/ записывала видео... ну я так понимаю видеообращение или письмо своему мужу/ что/ типо/ «вот/ мы по тебе соскучились/ возвращайся домой/ вот я тебя целую-целую»*.

Из сказанного можно сделать вывод, что молодые супруги, организуя коммуникативное взаимодействие в опоре на востребованные жанры современного медиапространства, не отходят от традиционных ценностей и не разрушают связи в сложившейся жанровой системе семейного общения. Записанная аналитическая беседа убеждает в актуализации коммуникативной ценности равноправного, интеллектуального, уважительного разговора.

ЯЗЫК КАК ЦЕННОСТЬ (ПО ДАННЫМ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)⁵

Фразеологическая система русского языка отражает ментально значимые ценностные категории, установки, предпочтения. Извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского языка [Федоров 2008; ФСРЯ; ФССРЯ] фразеологизмы, включающие лексемы 'язык', 'речь', содержат прямые и имплицитные установки, связанные с национально специфическим пониманием коммуникативного речевого взаимодействия как ценностной категории.

В русском языке сформировалась тематически определенная группа фразеологизмов, обозначающих и характеризующих речь человека и речевое поведение. Анализ обнаружил внутри тематической группы «Речь человека и речевое общение» наличие подгрупп фразеологизмов, номинирующих и оценивающих содержательные стороны речевой коммуникации; качества речи (красота, богатство, ясность, точность, логичность, краткость); ролевые коммуникативные позиции партнеров общения; манеру речевого поведения говорящего.

Русская фразеология отражает взгляд народа на речевую коммуникацию как базовую ценность. Одобряемые характеристики: кооперативное толерантное общение, предполагающее установку на «другого», коммуникативное равенство, обратная связь, координация мысли и речи, эмоции и речи. Особо оценивается положительный или отрицательный результат коммуникации.

По данным фразеологии можно установить определенные коммуникативные роли партнера общения: остролов, краснобай, болтун, молчун, задира, скандалист, внимательный слушатель, невнимательный слушатель и др. Сделанные наблюдения подлежат дальнейшей систематизации.

По данным фразеологии русского языка можно сформулировать ценностные коммуникативные установки, направленные на формирование толерантного гармонического речевого взаимодействия. Эти установки можно представить в виде общих правил. Анализ позволяет также установить категорические запреты, нарушающие коммуникативные конвенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008.

⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке программы 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006.

2. ФСРЯ. Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А. И. Молоткова. М.: Изд-во «Русский язык», 1978.

3. ФССРЯ. Фразеологический словарь современного русского языка / под ред. А. Н. Тихонова: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2004.

Доклад рекомендован доктором филологических наук, профессором Н.А. Купиной

Ицкович Т. В.

доцент

ТЕМА ДЕТСТВА В ЖИВОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ⁶

Живая разговорная речь современной молодежи тематически разнообразна, о чем свидетельствуют тексты записей, полученных в процессе выполнения гранта РГНФ "Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика", 2015 – 2017. Особое значение имеет тема семьи, воспитания детей, что объясняется высоким уровнем актуальности данной темы для молодых людей.

Обратимся к анализу текстов живой разговорной речи современной молодежи, посвященных теме семьи. Участниками одного из полилогов являются две девушки-студентки 19 лет и молодой человек с незаконченным высшим образованием, 23 года. Разговор молодых людей происходит в Екатеринбурге весной 2017 г. в домашней обстановке, предполагающей искренность участников общения.

Полилог посвящен теме детства. В нем выделяется несколько ценностных коммуникативных фрагментов, каждый из которых можно охарактеризовать в терминах игровой психотерапии Э. Берна. Игра, по Э. Берну, является способом реализации скрытых, глубинных мотивов человека. Типичная игра характеризуется высокой частотностью реализации в силу значимости и распространенности мотивов, лежащих в ее основе. В игре участники эксплицируют сформированные ценностные установки, связанные с воспитанием детей. В силу возраста и смешанного гендерного состава участников можно предположить высокий уровень актуальности для них данной темы. Проговаривание вслух, обсуждение проблем и принципов воспитания способствует их закреплению в сознании, а также позволяет соотнести с принципами воспитания других людей, сверстников своего и другого пола. Недавние дети, участники полилога ведут

⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

разговор на уровне «взрослый – взрослый», отрабатывая типичные коммуникативные сценарии: «родительский комитет» (по классификации Э. Берна); «раньше было по-другому, лучше»; «отцы и дети».

Участники полилога сравнивают себя и свое детство с детством современных детей, находя, в основном, отличия. Ностальгические воспоминания о собственном детстве вызывают у коммуникантов приятные эмоции.

Первый тематический фрагмент посвящен анализу уровня воспитанности маленьких детей из ближайшего окружения. Рассказ студентки о знакомых детях построен на противопоставлении «свой – чужой». Герои рассказа одного возраста – 10 лет, тезки. «Свой» – *более взрослый, спокойный, рассудительный*, слушается старших. «Чужой» не слушает никого, кроме отца. Отрицательное отношение к такому поведению ребенка говорящий эксплицирует через повторы *он никого не слушается* с одновременным употреблением модальных частиц *даже* (*он даже маму не слушается*) и *только* (*он слушается только своего отца*). Единичное употребление жаргонизма *присел на очко* выражает отрицательное отношение говорящего к методам воспитания в семье: *вот Ренат ему гаркнул / тот пошел / присел на очко и все / «ааа / так / он никого не слушается»*. Грубость, разговор на повышенных тонах в семейных отношениях не одобряется рассказчиком.

Мы не имеем представления о национальной принадлежности участников диалога, имя двух героев *Данил*, ранее характерное для русских семей, также не имеет сегодня национальной окраски. По контексту понятно, что отца одного из героев, поведение которого не одобряется, зовут *Ренат*. Это имя имеет национальную специфику употребления: на Урале оно распространено в татарских и башкирских семьях. Имплицитно во фрагменте содержится неодобрительное отношение говорящего к традициям воспитания, где ребенок не уважает никого, кроме отца.

Тема плохого, неправильного воспитания получает развитие через слова *балует, вообще очень сильно избалованные, вредные, орал, бесятся, налетели, бегают*. Картина поведения избалованных, плохо себя ведущих детей создается за счет использования сравнений *они его / как осы / на него налетели*; повторов *вот так вот кругами бегают за ним / бегают / бегают / бегают //*; жаргонизмов *докопались, кипишь*.

Объемный ценностный тематический фрагмент полилога посвящен теме денег. Его герои – младшие дети (*мелкий, мальчик тоже маленький*) сами зарабатывают деньги. Удивление рассказчика выражается как прямым высказыванием *я так удивилась, чё это думаю / его так переклинило – то так* и через вопросы: *ни фига / он чё листовки раздаёт?; в смысле? ты работаешь?* Девушка не понимает мотивы своего брата: *ему деньги по сути не нужны* и находит оп-

равдание/объяснение такому поведению в том, что он пошел на поводу у своей одноклассницы: *Земфира всё-таки повлияла*. Ценность работы состоит в возможности получить деньги, которые ты можешь потратить по своему усмотрению, работа дает свободу и независимость. Ценности предъявлены прямо: *ты зарабатываешь / и-и-и / как бы / ты можешь потратить свои деньги хоть на что / и не перед кем не отчитываться / что ты купила / на что ты потратила / потому что ты их сама заработала*.

Участники полилога сходятся в мысли о том, что они отличаются от современных детей: *надо же / в десять лет додуматься / я б не додумалась до такого; нам на фиг никакие деньги не нужны были; я работать начал после армии тока; я вот тоже я считай работала только / вот когда одиннадцатый класс закончила*.

Противопоставление участников диалога и современных детей в их отношении к деньгам отвечает реализации коммуникативного сценария «отцы и дети»: мы (взрослые) существенно отличаемся от нынешних детей.

Полилог завершается возвращением к основной теме: обсуждается разница в отношении к деньгам у современных детей и участников разговора. Тема фиксируется через прямую повторяющуюся номинацию деньги, через количественные *две тысячи, тысяч (пятьдесят), двести рублей*, синонимы *полтинник взял / сотку*. Слова и словосочетания, относящиеся к данной тематической группе *на проценты его поставил, возьму в долг, не отдал*. Заслуживает внимания тема хранения денег *он их везде распахивает по карманам / в курточки / в джинсы, достает из кармана, я их положила себе в кошелек*. Взрослые дают деньги маленькому (*три с половиной года*) ребенку, и он их копит. Это вызывает удивление рассказчика, слушателей и героев рассказа, см. их реакции: *ни фи-га, Та такая / ниче себе офигела / я такая стою*.

Участники полилога точно помнят потраченные суммы, возраст, место, связанные с деньгами: *в восьмом классе с папой в Чувашию, и сколько лет прошло / я всегда говорю / „ты до сих пор мне не отдал“*, числительные *сумма была тысяча / тысяча девяносто три рубля*.

В следующем тематическом фрагменте, посвященном воспоминаниям о детстве, тема денег получает дальнейшее развитие. Участники реализуют распространенный коммуникативный сценарий, который можно назвать «А раньше было лучше». Тематическая цепочка «деньги» эксплицируется через количественные числительные: *пяти рублей, четыре рубля, десять рублей, по пять рублей, по рублю* и т.д. Ценность воспоминаний о детстве восстанавливается через многочисленные детали: участники разговора помнят названия сладостей, их внешний вид, вкус и точную цену: *Я тоже помню гулять ходила / фруктовый лёд было по пять рублей / по четыре рубля*. Для ввода воспоминаний в речи

говорящих используется повторяющаяся конструкция *я помню*: **Я помню** / как эти / шоколадки темпо стоили четыре рубля / **я помню** / я иду на танцы / в одиннадцатую школу / у меня в кармане десять рублей / я куплю себе две вот этих темпо / и жвачки по рублю.

Противопоставление настоящего и прошлого приводит к выводу: в детстве было нужно мало денег, всё стоило дешевле: *А / вот прям из такого детства / когда вот еще все дешево стоило; А щас (сейчас) она стоит сколько / под семьдесят, мне вот ваще (вообще) в детстве достаточно было пяти рублей, и мне ваще (вообще) было хорошо*. Идея противопоставления сегодняшних детей и взрослых в их отношении к деньгам порождает ностальгию по прошлому, по низким ценам, по детству, по родителям, которые заботились о здоровье детей, запрещая им есть много сладкого, по бабушкам, с которыми гуляли по городу: *Я помню / как мне мама запрещала его есть //; Мне мама его есть запрещала / потому что типа (типо) там один лед / ты заболеешь / и она запрещала мне его есть / простые мороженки разрешала / а фруктовый лед запрещала; я тоже ходила еще в нашу школу на танцы / я помню / бабушка меня повела / и мы зашли вот в магазин*. Воспоминания о маме, бабушке эксплицируют ценность семьи, родительской заботы о детях.

Таким образом, в полилоге о детстве реализуется ряд свойственных русской национальной культуре ценностных установок, в которых можно выделить следующие группы. Первая группа касается темы воспитания: дети должны слушаться старших, о детях необходимо заботиться, быть непослушным плохо. Вторая группа ценностных установок выражает отношение к деньгам: детям думать о деньгах рано; зарабатывать деньги – это быть независимым, взрослым. Третья группа объединяет установки, отражающие противопоставление прошлого и настоящего: раньше все было лучше, дешевле, дети были лучше воспитаны; сейчас все дороже, дети воспитаны хуже. Молодые участники полилога предъявляют усвоенные в процессе воспитания родительские установки, касающиеся семьи и действительности в целом. В целом анализ текста демонстрирует стремление участников к гармоничному, бесконфликтному общению. Единомыслие в ценностных установках отражается и в коммуникативном поведении: молодые люди поддерживают поднимаемые темы, выражают согласие с заявляемыми ценностными установками, избегают конфликтного поведения. Молодые участники эффективно отыгрывают взрослые модели коммуникативного поведения, они полностью овладели умением вести «согласный» полилог, что отражает национальные коммуникативные ценности.

ОЦЕНОЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА К РЕЗУЛЬТАТАМ ГРАФИКСАЛЬНОГО КРЕАТИВА

Доклад посвящён исследованию параметров коммуникативной эффективности графикации (приёма нестандартного графического оформления слова) на основе данных проведённого анкетирования. Участникам опроса (студентам Уральского федерального университета) были предъявлены в виде вербально-визуальной картинке восемь разных типов лексем-графиксатов из сферы рекламы и городской ономастики. Цель анкетирования – выделить наиболее / наименее удачные случаи обыгрывания графической формы слова, оценить эффект влияния языкового приема на восприятие языковой единицы, дать толкование каждого графиксата.

Анализ полученных данных показал, что в основе принципа гармоничной формально-семантической организации графиксата лежит параметр считываемости заложенного сообщения на формальном и семантическом уровнях. Сам процесс декодирования графиксата условно делится на два этапа: дешифровку эксплицитной информации (разложение единицы на определённые элементы, т.е. выделение опорного слова и графически выделенного встроенного компонента) и считывание имплицитной информации (создание целостного смысла сообщения). Самыми значимыми параметрами на этапе считывания закодированного в лексеме-графиксате сообщения являются лёгкость вычленения базового и встроенного компонентов, а также их благозвучие.

Одним из главных критериев эффективности графикации является удачное совмещение семантики опорного слова и графически выделенного элемента, а также вписанность получившегося развёрнутого сообщения в контекст конкретного рекламного текста / вывески (компактно свёрнутая в графиксате информация уместно и точно соотносится с контекстом). Самой удачной, по результатам опроса, явилась номинация *ПерСОНа – Здоровый сон для всех персон* (магазин матрасов и постельных принадлежностей).

Недостаточно мотивированная смысловая связь опорного и встроенного слов, условная связь с контекстом воспринимается носителями языка негативно. Такое чуткое и придирчивое отношение к графиксату обусловлено потребностью языковой личности обнаружить смысловую необходимость любой графической трансформации слова. Особенно ярко эта потребность проявилась в настойчивых попытках участников опроса найти основание для графического обыгрывания в том случае, когда графическое выделение, казалось бы, не несёт никакой смысловой нагрузки и работает лишь на эстетическое восприятие

(*Елисеевская* – реклама минеральной воды). Поэтому к наиболее удачным были отнесены те номинации, графическая трансформация которых приводила к семантическим приращениям значения.

Нестандартное употребление графических средств вовлекает носителя языка в процесс коммуникации, в своего рода игру по разгадыванию головоломки: что хотел сказать автор, какова цель графического обыгрывания. Таким образом, графические средства помогают сформировать определенное эмоциональное отношение к трансформированной языковой единице, при этом графическое обыгрывание слова предполагает трансформацию его плана содержания при любой степени трансформации плана выражения.

Доклад рекомендован доктором филологических наук, профессором И.Т. Вепревой

Купина Н. А.
профессор

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ⁷

В канун праздника Победы 9 Мая студенты Первоуральского филиала РГППУ стали участниками национального проекта, в задачи которого, в частности, входили беседы с ветеранами Великой Отечественной войны. Предмет лингвоаксиологического анализа – текст интервью, структурированный как «несимметричный диалог» (Т.Г. Винокур), в котором коммуниканты не равны по коммуникативной стратегии. Диалог строится как чередование вопросов и ответов: интервьюируемый, ветеран войны **В.**, постоянно находится в положении лица, реагирующего на инициативу своей собеседницы. Девушка-интервьюер **И.** с помощью заранее составленных вопросов формирует тематическое и, в значительной степени, оценочное содержание разговора. Аксиологически ориентированы многие вопросы: *Какое событие запомнилось как самое радостное?; А какая из них (наград) самая дорогая?; Лично Ваше отношение к немецким солдатам?; Как Вы оцениваете (что)?;* Сквозная предметная тема – «война». Тематическое слово *война* употребляется в прямом значении, погруженном в актуальное прошедшее время (годы войны). Центральная оппозиция: *война – мирная жизнь*. Война оценивается **В.** как абсолютное зло.

Ядерная базовая ценность для ветерана войны – патриотизм. Показательно, что данная номинация в репликах не употребляется, но слова *Родина, Моск-*

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

ва номинируют высшие ценности: *Люди шли за Родину / вперед за Родину; Не дать врагу захватить Москву; Москву отстояли / и немцев отбросили от Москвы; Мы решили Москву любыми силами отстоять / и отстояли.* Участник Великой Отечественной войны является носителем ценностных ориентиров советской идеологии. Сталин для него – символ Родины: *Вперед за Родину / за Сталина; Сталин же был вождь наш; Люди так его и считали / что Сталин / это «Вперед за Родину / за Сталина».* В сознании **В.** закреплены лозунги, верность которым он пронес через всю жизнь: *Смерть немецко-фашистским захватчикам; Добить немецко-фашистских захватчиков в собственном логове; Умрем, но не отступим; Победа будет за нами; Ни шагу назад.*

Событийность военного времени для **В.** (он был призван в армию в конце 1943 г.) определяется освобождением советских и европейских городов. Слова *освободить, освобождение, свобода* употребляются многократно и обобщаются в безоговорочно принятом категорическом императиве: *Освободить Родину! (Мы же освобождали свою Родину).* Венчает войну победа – ценность, обретенная невероятными усилиями народа, добытая кровью и страданиями людей. Только номинация *победа* сопровождается эмоциями ликования: *Тут такое поделалось / позвонили в штаб / объявили в чем дело // Ура! Победа! Германия сдалась! Капитулировала!*

В высказываниях ветерана о войне активизируются аксиологические константы гражданского долга, сопротивления, независимости, силы духа, мужества, беззаветной устремленности к победе. Центральная аксиологическая установка (*Разгромить врага и освободить Родину*) мыслится как осуществимая при условии реализации ряда общечеловеческих ценностей: сплоченности, равенства людей всех национальностей, веры в собственные силы и правое дело. О ценности коллективизма, единения людей свидетельствует «включенное Я» говорящего. Рассказывая о войне, **В.** не отделяет себя от коллективного субъекта. Он предпочитает полноточные обобщающие номинации (*бойцы, солдаты, фронтовики, победители*) или местоимения *мы, наши: наша дивизия; у нас же Советский Союз был; мы солдаты были; мы оборонялись* и др.

Орденосец не склонен гордиться личными подвигами. Скромность, эмоциональная сдержанность характерны для его личного речевого поведения. **В.** снижает пафос, на который нацеливает его интервьюер, с помощью перевода ответа из оценочного в предметный план:

И. Ну что вот Вы считаете вот таким вот подвигом?

В. Ну как вот наши / вот такой подвиг // Я сейчас уже не помню / где это / в Польше были // На наши батареи двинулись немецкие танки / и наш дивизион с этой задачей справился // Подбили ихнюю атаку.

Характерологические черты говорящего – ответственность и чувство долга. Армейский опыт позволяет **В.** отстаивать сложившиеся в годы войны аксио-

логические нормы: *А мы что должны были / мы оборонялись / мы ж сами себя должны защищать; Служили... ответственно / дисциплинированно*. Имплицитно присутствуют такие ценности, как честность, терпимость, отсутствие агрессивности внутри круга «своих». В число ментальных особенностей личности **В.** входит терпеливость, проявляющаяся в философском отношении к трудностям войны: *Фронт есть фронт*.

Ветеран привержен внутрисемейным ценностям. Он ласков с женой и мыслит свою семью как единое целое (*мы с бабулей; с бабулей недавно отмечали 62 года*); с гордостью рассказывает о своих внуках: *Вот у меня внучка шесть лет училась <...> Прекрасно знает японский язык / английский знает // Закончила институт с красным дипломом // Университет; Два внука еще у меня / Старший внук тоже кончил институт / вот когда-то работал еще на «Хромпике» / механиком цеха // поработал на «Хромпике» / потом в Свердловске начальником цеха работал / замдиректора по кадрам / замдиректора по производству / а в настоящее время сам директор в Глазово <...> Молодежь растет!* Ценностные ожидания **В.** связаны с благополучием и успехами членов семьи.

В речевой партии **В.** отражается национально-специфический лингвокультурный типаж защитника Родины, беззаветно преданного своему народу. Для него характерны социоцентричность мировоззрения, органическая связь личного и общественного, определенность духовно-нравственных установок, стремление к справедливости. Для ветерана войны *Родина, семья* – номинации взаимосвязанных базовых ценностей. Под влиянием экстремальной ситуации ценностные ориентиры защитника Родины складываются в личностно осознанную непротиворечивую систему.

Матвеева Т. В.
профессор

О БИВАЛЕНТНЫХ РЕПЛИКАХ РАЗГОВОРНОГО ДИАЛОГА⁸

Непринужденное разговорное общение представляет собой генетически первичный вид речевой деятельности, суть которого состоит в субъект-субъектном общении коммуникантов. Каждый из них имеет собственный замысел общения и вынужден считаться с наличием такового у своего собеседника. При изучении разговорного диалога принципиально значим речедетельностный подход, отдельным актом которого выступает речевой поступок – «акт ре-

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

чевой деятельности, помещенный в современный контекст культуры и социальной жизни» [Борисова 2005: 145]. В плане выражения речевой поступок обычно оформляется как реплика диалога в составе диалогического единства (пары или группы иллюкутивно связанных реплик).

В содержательном отношении разговорный диалог неоднoplanов. Как и в монологических текстах, в нем значимо объективно-логическое содержание, связанное с реальными и умозрительными объектами, находящимися вне коммуникативной рамки разговора. Наряду с этим, в разговорном диалоге обязательно отражается непосредственно общение, реализуются взаимные усилия коммуникантов, направленные на взаимоотношения собеседников, установление, поддержание и развитие диалога (либо, как вариант) сдерживание собеседника и завершение диалогического взаимодействия с ним). Данные речевые действия образуют диалоговую стратегию [Иссерс 1999: 16], или стратегию коммуникативной координации [Борисова 2005: 165–166].

Объективно-логический план разговорного диалога и его коммуникативный план различаются по объекту речи. В первом случае речевой поступок (сообщение, мнение, предложение и др.) направлен на объект реальности, ментальный объект или на третьих лиц по отношению к участникам диалога. Во втором случае объектом речевого поступка одного коммуниканта является второй коммуникант, его речевой партнер.

Поставим вопрос о возможности совмещения названных планов содержания, в том числе в ценностном отношении, на материале семейного речевого быта. Для этого рассмотрим реплики разговорного диалога, нацеленные на управление собеседником, но объектно относящиеся к третьим лицам (как участникам данного коммуникативного события, так и непричастным к нему): 1. (мать – дочери): *Папе куртку отнеси, а то простудится*; 2. (мать – сыну, по телефону): *Ты Плюшу покормил?*; 3. (тетя – племяннице): *Не знаю, спроси у мамы, мама лучше знает*. 4. (старшая сестра младшей): *Ты соседей больше слушай, не того слушаешься*.

Подобные реплики на основе грамматической формы высказывания устанавливают безусловную связь говорящего с собеседником и являются речевыми акциями коммуникативного плана. Тематически же они относятся к третьему лицу (лицам) по отношению к собеседникам. Таким образом, это бивалентные высказывания, обладающие двухкомпонентным содержанием, одновременно объективно-логическим и коммуникативным.

При выявлении ценностных смыслов непринужденного диалога бивалентные реплики требуют комплексной интерпретации.

В рамках анализа объективно-логического содержания понятийным центром является названный в высказывании объект речевого действия: папа, ко-

торому нужно отнести куртку; кот Плюша, которого следовало покормить; мама, к которой следует обратиться; соседи, которых не стоит слушать; и т.п. Ценностное содержание определяется по отношению говорящего к объекту, на базе принятых в данном обществе аксиом семейного общения. Ведущей для малой социальной группы «семья» является забота каждого члена семьи о других ее членах, включая домашних питомцев. Это забота об их здоровье и физическом состоянии (1–2), поддержании заданной иерархии отношений (3), укреплении семьи как целостного образования (4) и др.

В рамках анализа коммуникативного содержания бивалентная реплика характеризуется в зависимости от особенностей семейного общения: его авторитарности (1), контрольного характера со стороны старших членов семьи (2), авторитета родителей (3), разделения *своих* и *чужих* (4); и др. Обобщенно, речевые поступки, направленные говорящим на членов его семьи, описываются как проявления стереотипов межличностных отношений в данной среде, с учетом особенности речевой манеры, характерной для членов данной социальной группы (ср. (1–3) как группу прямых высказываний и (4) как ироническое высказывание).

Бивалентные высказывания в русском семейном быту могут не опираться на прямые оценочные языковые средства (1, 2, 4), тем более в условиях характерного для русской семьи снижения порога вежливости [Занадворова 2001] и традиционно иерархического распределения семейных ролей [Байкулова 2014: 32]. Их оценочное содержание выводится на основе опыта общения, наблюдений о должном поведении в семье и отклонениях от него.

Методический вывод из приведенных речевых наблюдений сводится к тому, что необходимое на предварительном этапе разбиение разговорного диалога на фрагменты (экспликативы диалогических единств) может сопровождаться полным или частичным наложением двух содержательных планов: объективно-логического, или тематического, и коммуникативного. Реализации программы описания ценностного содержания разговорного текста это не мешает; явление бивалентности высказывания лишь указывает на необходимость учета обеих содержательных линий диалогических фрагментов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байкулова А.Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов: Издательский центр «Наука», 2014. 216 с.
2. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: КомКнига, 2005. 320 с.
3. Занадворова А.В. Функционирование русского языка в малых социальных группах (речевое общение в семье): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001 18 с.

4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1999. 26 с.

Михаил (Северин)
иерей

К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В ходе исследования религиозно-нравственных ценностей нами был применен лингвопсихологический метод. Были составлены тексты, проблематика которых сталкивала социальные ценности (например, справедливость) и религиозно-нравственные ценности. Вопросы, на которые отвечали респонденты (практикующие верующие), предполагали выявление ценностного отношения к содержанию текста. Представим один из текстов.

Пассажирский поезд бодро мчался по железным путям. Кончилась основная магистраль, несколько вагонов отцепили, и их по одноколёйке медленно потащил паровоз. Здесь закончились законы налаженной, грамотно организованной железнодорожной законности, где царствуют билет и контролер. Проводник одного из вагонов стал напоминать разбойника с большой дороги, способного и «не пустить», и наоборот. Из вагона донеслись обрывки разговора:

- Ты что, бабка, мне «фантики» суешь. Сейчас выкину на рельсы.
- Что ты миленький, вот у меня рубли в платочке завязаны.
- Другое дело, надо же совесть иметь.

К совести этот проводник, больше похожий на капитана флибустьеров, обращался ежесекундно, даже когда впустил группу других разбойников, изрядно почистивших вещи и «детские гостинцы» пассажиров-родителей, ехавших на военную присягу к сыновьям в одну из «учебок»...

На одной из остановок поезда вошла опоздавшая женщина лет тридцати. Но ее место на нижней полке оказалось занятой мамой с малышом. Как оказалось, проводник дал (не за «фантики», конечно) маме и малышу чужое место, ловко подделав какой-то старый билет. Опоздавшая пассажирка дошла до бригадира состава, обнаружила подделку билета и отказалась уходить со своего законного места.

Анализ полученных ответов позволяет выделить несколько групп респондентов и сделать следующие выводы:

1. Христианско-нравственное отношение к людям преобладает над правовой и личностно значимой справедливостью, о чем свидетельствуют ответы респондентов первой группы: «уступить свое место маме с малышом из человеческого и христианских соображений», «молодую мамочку с малышом «выго-

нять» с нижней полки совсем неправильный поступок». Незаконные действия проводника вагона также оправдываются помощью людям: «он давал людям шанс добраться до места», «если его помощь была единственной надеждой мамочки с малышом», «проводник сделал снисхождение из-за малыша». Помощь несговорчивой женщины в конце поездки объясняется «рассказанием», «сердобольностью», желанием «исправить свой поступок», «примириться».

2. Правовая справедливость выдвигается на первое место, нравственное начало выступает как основание компромисса. Для респондентов этой группы характерны такие ответы: «она (мама с малышом) дала взятку проводнику, это нечестно», «должна принести извинения женщине с билетом», «если женщина уступит место, то остаться внизу, если нет, то лезть наверх», «женщина поступила абсолютно правильно, она отдала свои кровно заработанные деньги». Поведение проводника объясняется его «корыстью», «мздоимством», «незаконным действием». Решение конфликтной ситуации респонденты видят в том, чтобы уступить место маме с ребенком, при этом проводник должен предоставить место для женщины с билетом.

3. Личная справедливость превалирует над нравственным отношением к людям. Ответы в данной группе самые малочисленные: «это ее (женщины с билетом) законное место, она заплатила за него», «мама с малышом заведомо пошла на обман». Действия проводника оцениваются как «преступление» или как «должностная инструкция». Для разрешения данной ситуации предлагается следующее условие: проводник должен предоставить равноценное место.

Таким образом, ценностные ориентации православных людей в религиозной сфере различаются, что обусловлено влиянием следующих факторов: разной степенью рефлексии над религиозно-нравственными ценностями, заданными Евангелием; возрастом пробуждения религиозного чувства, обстоятельствами обращения к вере, временем пребывания в церкви, инокультурными влияниями.

Михайлова О. А.
профессор

ЗАБОТА О БЛИЗКИХ КАК СЕМЕЙНАЯ ЦЕННОСТЬ⁹

1. Основу культурных традиций общества составляют базовые ценности этноса. По данным, полученным исследовательской группой УрФУ, важное ме-

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

сто в ценностной системе наших современников занимает духовно-нравственная ценность «забота о близких людях». Ценностные ориентиры, овнешненные языковыми знаками, актуализируются в процессе речевой деятельности и выполняют функцию регулятивов поведения личности.

Цель нашего исследования – проанализировать специфику языковой объективации базовой ценности «забота о близких людях» в семейном общении. Материал – политематический диалог, в котором участвуют разновозрастные представители одной семьи. Участники разговора имеют значительный общий опыт общения, поэтому свободно и быстро переходят с одной темы на другую, при этом в разных тематических фрагментах можно выявить общую аксиологическую установку, в основе которой лежит ценностная константа «благополучие близких людей».

2. Ценностная установка «забота о близких» проявляется, например, в диалоге бабушки (А.) и внушек (О. и Н.) Сестры О. и Н. выбрали и развили тему болезни явно с учетом интересов своей пожилой родственницы, – так они выражают внимание к ней. Прямой вопрос О.: *Нога болит у вас?* соответствует социально одобряемой русскими норме – обсуждать болезни в разговорах с пожилыми людьми. Вопрос воспринят с полным приятием: бабушка (А.) подхватывает тему и подробно описывает свои страдания: *вот так ступить не могу; левая у меня как будто бы где-то отстаёт как это от правой; вот здесь кость одна / эта как тупая / а другая острая*. Внучка А. поддерживает тему болезни, делится своим опытом (*у меня как-то опухла нога; я не могла ходить вообще*) и дает совет: *к бабушке же ходят заговаривать*. Коммуникативное поведение молодых родственников основано на аксиологической установке «забота о близких людях».

3. Тема взаимоотношений в семье решается также на основе общей аксиологической установки: мужчина должен заботиться о семье, обеспечивать жену и детей, быть им поддержкой и опорой. Участницы диалога, которые являются носителями русских ценностных ориентиров, осуждают (*с возмущением*) отношение мужа к семье (*алименты / он наверное не работает; его ищут; она написала на него заявление*). Они сочувствуют жене, которая не рассчитывает на поддержку мужа и предпочитает жизнь в одиночестве (*она его не пускала обратно / не хотела / чтобы он с ними / говорит <одной спокойнее>*). В то же время отрицается архаическая для современной семьи русская константа женского терпения, смирения с мужской агрессией, в том числе с унижениями и побоями.

4. Собеседницы А. и О. обсуждают предстоящую уборку картошки. Жители сельской местности обычно сажают много картофеля, поэтому выкопать его и вывезти с поля – это трудоемкий процесс (*в прошлый год копали вместе с Юрой на мотоцикле возили / так и то сколько понадобилось*). О. высказывает

беспокойство о том, что в этом году ее семье будет труднее (*теперь мотоцикл продали / да еще и меня не будет*). В ее репликах проявляется забота о близких людях. А. успокаивает ее: *Ну теперь у Витальки мотоцикл есть / возить будет*. В этой реплике выявлена безусловная для А. ценностная установка: люди (а близкие люди особенно) должны всегда помогать друг другу.

Коллективизм и взаимопомощь выступают как национальные культурные конвенции и ценностные ориентации как патриархального, так и современного российского провинциального уклада.

Михайлова Ю. Н.

доцент

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В БЕСЕДЕ МАТЕРИ С ДОЧЕРЬЮ¹⁰

С лингвокультурологической точки зрения коммуниканты вступают во взаимодействие как носители культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [Карасик 1996: 3]. Семейное общение отличается непринужденностью и открытостью, домашняя среда дает возможность взаимодействия с «человеком без маски», человеком открытым, приближенным к самому себе. Именно поэтому в семейной коммуникации открыто манифестируются ценностные установки человека. Цель нашего исследования – выявить ценностные установки членов одной семьи. Материалом для анализа явился фрагмент семейной беседы матери (50 лет, программист, далее М.) и дочери (19 лет, студентка, далее Д.). Рассматриваемый диалог отличается политематичностью: обсуждаются как межличностные отношения (например, однополая любовь), так и общечеловеческие константы (например, мораль и человечность).

Диалог начинается с обсуждения однополых браков и, шире, однополый любви. Дочь задает матери прямой вопрос: *Что ты думаешь об однополых браках?* Мать дает прямой нетолерантный ответ: *Резко отрицательно*. Представительница старшего поколения прямо высказывает резко отрицательную оценку этого социального явления, но представительница младшего поколения имплицитно также демонстрирует аналогичную оценку. Влечение к своему полу дочь называет «насмешкой природы» (*А если природа решила над тобой посмеяться и / породила тебя с двумя головами / или влечением не к тому полу?*).

¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Сравнение людей, предпочитающих строить семейные отношения с представителями своего пола, с аномальными существами (экспонатами из Кунсткамеры) показывают абсолютную нетерпимость к однополрой любви обоих коммуникантов. В развитие темы об аномальных существах начинает обсуждаться вопрос об опытах в науке.

Д. Павлов подсаживал собакам головы других собак?

М. Ну для / для этих // опытов своих // кормил одну голову, слюноотделение было у обеих //

Д. Интересно, а как они себя чувствовали с двумя мозгами?

М. Да ужас / это конечно опыты такие бесчеловечные были //

Д. Щас бы да // его бы наверно просто засудили // И он / и вот особенно я считаю // мм // ээ // доктора нацистские вроде Йозефа Менгеле очень много сделали для развития науки/ но их опыты были бесчеловечные //

М. Да / абсолютно согласна / что продвинули науку далеко / но такими способами/ что // антиморально

Мнение коммуникантов совпадает, но оно неоднозначное: опыты в науке бесчеловечны и антиморальны, однако они необходимы для развития науки.

Дочь высказывает интересную мысль о том, что мораль и духовность больше свойственна представителям гуманитарного знания: *Вот поэтому всё-таки гуманитарии / я считаю / и нужны // потому что должен же кто-то думать о морали / должен же кто-то думать о духовности //*

Коммуниканты продолжают разговор о человечности и морали в целом. Позиция дочери заключается в том, что важно быть не только высокообразованным человеком, но и душевно развитым человеком: *нужно // и развивать не только способность мыслить / но и способность чувствовать*. Коммуниканты обращаются к образу героя романа П. Зюскинда «Парфюмер»:

М. Ну тут в первую очередь оцениваешь же это // моральный аспект этого Гренобля // или как его звали //

Д. Жан-Батист Гренуй // какой моральный аспект? // Разве у него была мораль? // Разве он был человеком? //

М. В том-то и дело // у него было полное отсутствие морали.

Оба коммуниканта солидарны в мысли о том, что если у человека наблюдается *полное отсутствие морали*, то человек не достоин называться Человеком, т.е. безусловное признание ценности любого цивилизованного общества – человечности и морали.

ЛИТЕРАТУРА

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград - Архангельск, 1996.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В РЕЧИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА: К ПОРТРЕТУ А. БУРКОВА

Региональный политик в публичных выступлениях использует местоимение «мы», глагольные формы 1 лица множественного числа, местоименные формы «наш, наши», которые фиксируют укрупнение авторского Я путем соединения с той или иной политической группой, с тем или иным политически значимым действием.

Наибольшее распространение в речи Александра Буркова получают смысловые конструкты «мы граждане России», «мы члены партии *Справедливая Россия*»: *Я говорю, конечно, образно, но сегодня Центробанк владеет самым ценным, что у нас есть — это деньгами нашей страны; И подчеркну: это не предвыборное обещание, это реальная жизнь. Это то, что сегодня мы делаем вне зависимости, есть выборы в стране, нет. Мы сегодня считаем, что двадцать пять справедливых законов, они могут изменить социально-экономический вектор движения у нас в стране и улучшить жизнь наших граждан.* Показательно, что формы 1 лица множественного числа соседствует с формами 1 лица единственного числа. Вероятно, мы-формы используются политиком как осознанный прием воздействия на аудиторию. В некоторых контекстах названные смысловые конструкты строго не разграничиваются: *Для этого наши законопроекты и направлены на то, чтобы мы могли оперативно влиять на деятельность Центробанка, чтобы Центральный банк работал в интересах нашей страны*, а не в интересах других государств. *Наши законопроекты — разработанные партией, наша страна — Россия, мы — партия «Справедливая Россия» и народ России.*

Смысловой конструкт «мы уральцы» в речи Александра Буркова не столь частотен, что нетипично для регионального политика и свидетельствует о его карьерных устремлениях во внутрипартийной работе и в органах власти.

Назначение Александра Буркова временно исполняющим обязанности губернатора Омской области отразилось и на использовании политиком аксиологически заряженных мы-форм. В новой ситуации изменяется и требует пояснений ранее широко понимаемое словосочетание *наши граждане*: *И беспокоит меня вопрос: после повышения тарифов на коммунальные услуги с 1 июля насколько увеличилась нагрузка на семейный бюджет наших граждан, омичей?* Кроме того, мы-формы в разговоре с мэром Омска врио губернатора используются для создания впечатления единого политического субъекта региональной власти: *Или мы в управлении беседуем с руководителями управляющих компа-*

ний, чтобы они забирали часть домов, которые сегодня бесхозные с точки зрения управления. Мэр, губернатор, омские бизнесмены сложно объединены мы-формами в следующем контексте: *Значит, ребята: мы живём в интересах всего города, да, а не отдельно взятого дома, поэтому <...> мы с управляющими компаниями разыгрываем лоты, где есть и старое жильё, где есть новое, так.*

Описанная динамика мы-форм свидетельствует о работе Александра Буркова над имиджем регионального политика при публичном общении внутри региона. При этом во внутрипартийных речах сохраняются смысловые конструкции «мы партия», «мы народ».

Доклад рекомендован кандидатом филологических наук С.Ю. Даниловым

ПикULEВА Ю. Б.
доцент

О ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ ФИКСАЦИИ ФРАГМЕНТОВ УСТНОЙ СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹¹

Общение в семейном кругу – ежедневная практика большинства россиян – с трудом поддается фиксации. Внутренняя семейная коммуникация традиционно характеризуется неофициальностью и непринужденностью, активностью субъектов взаимодействия. При всей сиюминутности подобной коммуникации все чаще фрагменты семейного общения оказываются формально закреплёнными в письменном виде, причем они осознаются ценностно значимыми. Как следствие – неоднократное обращение к этим репликам как к текстам прецедентного характера для данной малой социальной группы.

Проблема изучения повседневных практик фиксации устной семейной коммуникации связана с ответом на вопросы: КТО фиксирует, ЧТО фиксирует и КАК фиксирует?

Вопросы «КТО и ЧТО фиксирует?» оказываются тесно связанными. Субъектом стихийного лингвистического исследования чаще всего становятся родители, которые ведут «летопись речевых достижений» своих детей. В раннем детстве они записывают за ребенком отдельные «детские» слова, которые показывают, как искаженно фиксирует простые и сложные лексемы малыш: *мотация* (демонстрация), *наколóчек* (сахарочек), *мать-мачеха* (математика),

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Ферляндия (Финляндия) и др. Дети растут – растёт и объем фиксируемой единицы семейной коммуникации: *Мухомор есть вообще нельзя, от него можно ядовиться и червячки заползают*. К.И. Чуковский во введении к знаменитой книге «От двух до пяти» пишет, что подобные факты детской речи имеют «высокую научную ценность, так как, исследуя ее, мы тем самым вскрываем причудливые закономерности детского мышления, детской психики» [Чуковский 1959: 5]. Особенно радуют родителей контексты с неожиданными формальными трансформациями (*У человека есть мозг, сердце, писюн и лёгкости*) или реплики, которые показывают «взросление» ребенка, появление у него чувства юмора (*И всё равно дедушка не слушается бабушку. А вот я буду слушаться бабушку... когда стану дедушкой*).

Детская речь, безусловно, является основным объектом фиксации в рамках «любительских» лингвистических исследований семейного общения, однако известны примеры фиксации и взрослой речи. Подобные контексты обычно дороги коммуникантам, потому что связаны с комическими ситуациями, где взрослый допускает оговорку (*Детки, идите сопельки в носик спускать!*) или спонтанно острит (горделиво о долго хранящемся в баре коньяке: *Выдержка! Моя выдержка!*).

Вопрос «КАК фиксирует?» по отношению к семейной коммуникации в современном обществе очень важен. Если раньше люди, наблюдающие за семейным общением, брали подобные реплики «на карандаш», то сейчас все чаще подобный материал оказывается фактом виртуальной коммуникации. Родители размещают реплики или даже полноценные завершённые диалоги на собственных страницах в социальных сетях, остроумные реплики пересылаются знакомым с помощью разнообразных мессенджеров. Таким образом, внутренняя семейная коммуникация становится феноменом коммуникации внешней.

Развитые повседневные практики фиксации фрагментов устной семейной коммуникации показывают, что общение в малых социальных группах мыслится как ценностный феномен. Повторное обращение к зафиксированным контекстам сопровождается позитивными эмоциональными реакциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуковский К.И. От двух до пяти. Живой как жизнь. – Минск : Государственной учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения БССР, 1959. – 273 с.

ТИПОЛОГИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ЛИЧНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ МОЛИТВЕ

Сегодня одним из актуальных направлений лингвистических исследований является изучение религиозного функционального стиля. Происходит описание отдельных жанров и их классификация (см.: М. Войтак, О.А. Прохвятилова, Т.В. Ицкович). Одним из репрезентативных жанров религиозного функционального стиля, отражающих его главную особенность – взаимодействие человека с представителями сакрального мира, является молитва. Особый интерес представляет изучение молитвы в лингвоаксиологическом аспекте.

Молитва – один из протожанров религиозного функционального стиля, выделяемый наряду с проповедью и житием. Конструктивным принципом религиозного стиля является прототекстуальность, предполагающая опору на канонический прототекст при создании новых текстов [Ицкович 2016: 31]. Данный принцип позволяет проецировать религиозное мировоззрение и ценностные установки на вновь создаваемые тексты, в том числе тексты личных молитв [Ицкович 2017: 20].

Материалом для данного исследования служат личные, неканонические молитвы новоапостольских христиан, собранные методом включённого наблюдения. Цель исследования – описать ценности, эксплицированные в устных личных молитвах.

Личная молитва, как и каноническая, имеет чёткую структуру. Анализ текстов личных молитв показывает, что они состоят из следующих блоков: обращение, благодарность, просьба, итог. Обратимся к анализу блока, содержащего просьбы. В.И. Карасик выделяет такие виды просьб, как суперморальные, моральные, утилитарные, субутилитарные, которые соотносятся с соответствующими видами ценностей [Карасик 2002: 223, 268]. Спроецируем данную классификацию на исследуемый материал.

В текстах личных молитв новоапостольских христиан в качестве суперморальных выступают такие ценности, как *Бог (Ты будь рядом с нами), вера (укрепи нашу веру), благословение (благослови, даруй благословения), единение (даруй вечного единения с Тобой), Слово и богослужение (Ты даровал то Слово / которое мы вкушали и слышали // Пусть у каждого в сердце оно останется и будет принято)*.

Моральные ценности эксплицируются в просьбах о единении с общиной (*благослови наши общины / благослови наше единение; просим за единение в*

кругу братьев / сестёр), в которых ключевыми ценностями являются *община, единение*.

Утилитарные ценности представлены в просьбах о *талантах (благослови память / слух / голос; просим за музыкальное развитие)* и *здоровье (помоги всем / кто нуждается в Твоей помощи / особенно больные / немощные / и тем / которые ухаживают за ними)*.

В субутилитарных просьбах эксплицированы такие ценности, как *пища и труд (благослови приготовленную пищу и руки / накрывшие этот стол; благослови <...> трудовую неделю)*.

Анализ текстов молитв новоапостольских христиан показывает наличие всего спектра просьб, которые отражают ценностные предпочтения новоапостольской христианской общины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Войтак М.* Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы) / М.Войтак // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998. С. 214-230.

2. *Ицкович Т. В.* Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: диссертация ... доктора филологических наук. Екатеринбург, 2016.

3. *Ицкович Т. В.* Ценностные установки современной православной проповеди // Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований: Тезисы докладов Второго международного научного семинара / Под ред. Ю. Н. Михайловой. Екатеринбург, 2017. С. 19-21.

4. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

5. *Прохватилова О. А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1999.

Доклад рекомендован доктором филологических наук, доцентом Т.В. Ицкович

Пырикова Т. В.
магистрант

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИТЕРАТУРНОГО ОНИМА

Имя в художественном тексте – источник «характеризующих смыслов, которые порождаются употреблением его <имени> в контексте произведения» [Фомин 2017: 250]. В исследованиях по литературной ономастике для обозна-

чения имени в художественном тексте приняты термины «литературный оним» и «поэтоним» [Горяев, Волкова 2017] – ими мы и будем пользоваться в ходе анализа. Встречается также понятие «говорящее имя»: это «художественный приём, в котором имя и/или фамилия прямо и недвусмысленно характеризуют человека (как правило, художественного персонажа) или указывают на его морально-этические качества. Такие имена имеют две основные функции: идентификация объекта и описание его свойств» [Володько 2014: 101].

Данное исследование посвящено говорящим именам (литературным онимам, поэтонимам) в линейке романов Т. Пратчетта про смерть. Терри Пратчетт (1948–2015) – автор многих романов в жанре фэнтези, весьма популярный среди поклонников-знатоков английского языка и читателей этого жанра. Имена в романах Пратчетта нередко становятся предметом особенно искусной языковой игры, являя собой хитросплетение «исторической памяти» и «актуальных социокультурных смыслов» [Купина 2016: 21]. В них вкладываются многочисленные аксиологические смыслы, создающие трудность и для переводчика [Бортников, Пырикова 2016]. Приведем примеры:

Ветром Сдумс (англ. *Windle Poons*). Вкладываемый смысл: ‘тот, кого сдуло ветром’. Финаль *-умс* (ср. *бумс*, *хрумс*, *блямс*) указывает на ассоциативную связь с междометиями, а тем самым и на промежуточную роль персонажа в сюжете, и на его ветреный характер.

Г-жа Герпес (*Mrs. Whillow*). Семантический перевод фамилии со значением ‘гнойное воспаление дистальной фаланги пальца’ указывает не только на характер героини, но и на ее отрицательное, часто вредительское отношение к другим персонажам.

Себя-Режу-Без-Ножка Достабль (англ. *Cut-me-own-Throat Dibber*). Имя содержит два аксиологически значимых компонента: автохарактеризатор в первой части и характеризатор поведения по отношению к другим героям во второй (*достабль* = ‘тот, кто может надоесть’).

Аксиологический потенциал этих и других онимов выявляется при сопоставительном анализе их английского оригинала и русского перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бортников В. И., Пырикова Т. В. Транслитерация в художественном переводе: ГОСТ или переводческая интуиция? // Молодые голоса : сб. тр. молодых ученых. Екатеринбург, 2016. С. 187–193.
2. Володько Н. А. Говорящее имя // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 101.
3. Горяев С. О., Волкова С. А. Латиноязычная терминология и «ложные друзья переводчика» // Аграрное образование и наука. 2017. № 2. С. 17–20.

4. *Купина Н. А.* Аксиологическая доминанта в тексте программной статьи губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева «Мобилизация на успех: год 2016» // Политическая лингвистика. 2016. Т. 1(55). С. 20–25.

5. *Фомин А. А.* «Мистер Джон Ланкастер Пек»: поэтоним как маска персонажа // В созвездии слов и имен : [сб. науч. ст. к юбилею М. Э. Рут]. Екатеринбург, 2017. С. 245–263.

Доклад рекомендован кандидатом филологических наук В.И. Бортниковым

Савенков А. Д.
студент

АКСИОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ ХАРАКТЕРИЗАТОРЫ В СВЕРХТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РЕКЛАМНОГО БУКЛЕТА

«Реклама может рассматриваться как специфическая область социальных массовых коммуникаций между рекламодателями и различными аудиториями <...> с целью активного воздействия на эти аудитории, которое должно способствовать решению определенных маркетинговых задач рекламодателя» [Сафарова 2015: 136]. Помимо информативной функции, современная реклама характеризуется коммуникативной, прагматической и рядом других функций, побуждающих адресата (зрителя, читателя) к диалогу. Отклик адресата, т. е. его ответная диалогическая реакция, – прямой стимул купить товар или воспользоваться услугой [Пикулева 2006; Кара-Мурза 2010; Купина 2016].

Реализация диалогических функций напрямую зависит от языковых особенностей рекламного текста. Одна из таких особенностей – аксиологически маркированные характеристики, характеристики-«интегремы», ассоциативно связываемые с определенными ценностями в сознании реципиента [Шалина, Пикулева 2016]. Такие характеристики в сверхтексте современного рекламного буклета «Южный федеральный округ», изданного «Национальной системой бронирования» и посвященного гостиницам Сочи, Анапы, Геленджика и Туапсе, послужили предметом нашего изучения.

Выделим наиболее часто встретившиеся характеристики-«интегремы»:

- – *собственный (пляж, водолечебница)* (21 раз). Ценностный смысл: ‘отдыхают только туристы из этой гостиницы’, а значит, ‘безопасность’, ‘чистота’, ‘отсутствие посторонних’;
- – *современный (техника, мебель, материалы)* (13 раз). Ценностный смысл: ‘оборудовано по последней моде’, ‘не сломается, и платить за поломку не придется’.

Помимо названных, в ходе работы выявлены и аксиологически проинтерпретированы характеристики *уникальный (проект, инфраструктура), уютный (номера), интересный (вид), захватывающий (пейзаж), квалифицированный (врач)* и др. Сделан вывод об их системном использовании и сверхтекстовом функционировании (см. также: [Купина 2016]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кара-Мурза Е. С.* Реклама: жанр, функциональный стиль, дискурс? // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котуровой. Пермь: ПГУ, 2010. С. 220–231.

2. *Купина Н. А.* Газеты уральской провинции в аксиологическом освещении // Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований: тез. докл. науч. семинара с междунар. участием. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 26–27.

3. *Пикулева Ю. Б.* Телевизионная реклама и языковой вкус эпохи // Филологический класс. 2006. № 16. С. 9–14.

4. *Сафарова М. Б.* Реклама как элемент маркетинговых коммуникаций // Экономика, управление, финансы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь: Зебра, 2015. С. 136–141.

5. *Шалина И. В., Пикулева Ю. Б.* К проблеме описания методики лингво-аксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 121–132.

Доклад рекомендован кандидатом филологических наук В.И. Бортниковым

Сальникова А. Р.
студентка

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА В МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОМ СЕМЕЙНОМ ДИАЛОГЕ

Межпоколенческий семейный диалог фиксирует и осуществляет передачу ценностных смыслов и установок, которые объединяют семью. Межпоколенческий семейный диалог может быть конфликтным и гармонизирующим. В настоящей работе мы обратимся к бесконфликтному, гармонизирующему семейному диалогу между женщиной 42 лет и приехавшей в гости племянницей 19 лет.

Воспоминание об умерших родственниках — типичная тема откровенного разговора старших с отдельно живущими младшими (уже взрослыми) членами семьи. Старшие зачастую сосредоточены на собственных эмоциональных

переживаниях, подчеркивается их сила, что актуализирует ценности межпоколенческих связей: *Потом мне звонят в общагу // Бабушка умерла // В такой истерике // В таких слезах // Приехали // Встала там // Ну такое вообще мне // ну/ не представить это*. Воспоминание развивается, укрупняясь возле одного события (смерти бабушки) или с переходом на других родственников: *но для меня это конечно // смерть бабушки была // са-ма-я пе-рва-я* [эти два слова протяжно] *// ужас/ который я испытала в своей жизни // самый первый ужас // А потом // у Владика/ родители // у меня папа*.

Положительная оценка умершего родственника строится в опоре на формульные высказывания (*У меня такой папа вообще / он к нам / ну строго / но / справедливо / так скажем //*) и на положительно окрашенные воспоминания, которые соединяют минувшие события и современные диалогу семейные обстоятельства. Показательно воспоминание о кошках (и сегодня в доме много кошек, а любовь к ним появилась еще в детстве):

О. ...*Я ж со своими кошками-то/*

С. *Тогда ещё?*

О. *А?*

С. *Тогда тоже за своими кошками?*

О. *Дааа / У меня же котята были // Ты чё [последнее слово протяжно]/ я это // Поехали мы в школе // В Челябинск что ли // У меня до этого котята пропали // ой/ ну куда делися блин // я ходила/ ревела // <...> Потом у меня ещё двое котят <...> родились // Мама мне потом рассказывает // Папа/ говорит/ всех котят собрал // Блин/ идите нафиг/ домой// а то опять Ольга придет / опять плакать будет [смешок]/ не хочу гыт [говорит] слёз [последние слова произнесены весело].*

С. [с ответным смехом] *И закрыл их?*

Отец сберег котят для дочери — ‘это хорошо’. Показательно, что яркие положительно оценочные ресурсы в текстовом фрагменте не используются. Но положительная тональность воспоминания о доброте и заботе отца способствует закреплению семейных ценностей (‘ты из семьи, где принято понимать близких и заботиться о них’). Характерно, что забота отца грубоватая, недемонстративная, о ней дочь знает по рассказам матери.

Таким образом, положительная оценка членов семьи в межпоколенческом диалоге закрепляет традиционные семейные ценности и переключает тональность разговора об умерших с печальной, требующей сочувствия, на позитивную, даже радостную.

Доклад рекомендован кандидатом филологических наук С.Ю. Даниловым

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ВЬЕТНАМА В СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ СМИ¹²

Задача данного доклада – охарактеризовать положительный образ Вьетнама, который начал формироваться в советское время и сохраняется в российских СМИ, наполняясь новым содержанием. Для работы была использована электронная база данных Интегрум (Intergrum.ru), содержащая 3578 источников русскоязычных СМИ. Выборка контекстов со словом «Вьетнам» составила 159603 документа, включающих отражение двух исторических периодов, относящихся к советскому и постсоветскому времени.

Положительный образ Вьетнама, особое отношение русских к далекой стране Юго-Восточной Азии сложились в советский период российской истории. 1945 – 1991 – важные годы в истории Вьетнама: страна провозгласила независимость, освободилась от французской колонизации (2 сентября 1945 года была создана Демократическая республика Вьетнам (ДРВ) во главе с Хо Ши Мином), началось строительство социализма по советскому образцу. Этот же период известен как период борьбы Северного Вьетнама (ДРВ) с Южным, когда в 1965 году США открыто объявили войну Северу и начались систематические бомбардировки Вьетнама. Советский Союз, одним из первых – в 1950 году – признавший ДРВ и официально установивший с Вьетнамом дипломатические отношения, встал на защиту интересов Северного Вьетнама, оказывая военную помощь и моральную поддержку.

Советские СМИ широко освещали военные события того времени: частотна тревожная лексика, формирующая образ борющегося Вьетнама: *война, конфликт, горячая точка планеты, жестокая война, нападение Соединенных Штатов на Вьетнам, бомбежки, разрушенные мосты, правда о войне во Вьетнаме, бедные дети*. На фоне тяжелой картины событий формировался образ стойкого народа, который мужественно противостоит большой военной державе и к которому Советский Союз испытывает самые теплые чувства: *наш брат, верный друг, вьетнамские братья, дружественная страна, героический народ, героизм народа, мужество, социалистический / коммунистический Вьетнам*. Постоянно подчеркивалась особая сплоченность вьетнамского народа: *Единой бамбуковой крепостью стал весь Вьетнам* (Вокруг света; 1983, №5). Благодаря средствам массовой информации Вьетнам становился

¹² Работа выполнена при финансовой поддержке программы 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006.

для СССР все ближе: советским людям стали известны города, острова, реки далекой страны, советские люди назывались *верными друзьями героического народа Вьетнама*, а вьетнамцы получали характеристику *наших вьетнамских братьев*.

В постсоветский период произошло наполнение положительного образа Вьетнама новым содержанием. Тема войны не уходит из повестки дня российских СМИ, она выступает как фоновый материал, напоминая читателю историю военного советско-вьетнамского сотрудничества, а также подчеркивающий сохранение дружеских отношений с Вьетнамом: *Вьетнам наш давний, испытанный партнер, с которым нас связывают доверительные отношения, основанные на дружбе и взаимовыгодном сотрудничестве, – сказал Шойгу. – Готовы принять ваших экспертов для консультаций с нашими специалистами и поделиться опытом испытания техники в реальных боевых условиях* (МК; 24.01.2018).

На первый план выходит позитивный образ Вьетнама, строящийся на сотрудничестве в разных областях: политике, экономике, образовании. Особое место занимает тема туризма. Многие тексты носят явно рекламный характер: *Красивая страна с многими достопримечательностями, известна сказочными пляжами и курортами; Становится привлекательным посещаемым для россиян местом; Взгляните на карту. Вьетнам узкой полосой протянулся вдоль этого моря на две тысячи километров. Одним из популярных направлений для комфортного и недорогого отдыха является Вьетнам*.

Положительное впечатление о стране создается фактами о быстроразвивающейся экономике Вьетнама: *новый рынок, комфортный партнер, крупнейший экспортёр, бурное развитие, быстрые изменения, активно / динамично развивается, развивающийся Вьетнам; настолько стремительно развивается, что в некоторых областях экономики опережает даже развитые страны. Вьетнам входит в первую десятку мировых экспортеров одежды и текстиля; Вьетнам – это один из самых комфортных наших партнеров в сфере ВТС. В последние пять-семь лет Вьетнам всегда входил в число пяти крупнейших покупателей российских вооружений*.

Тексты СМИ также обращаются и к характеристике быта и жизни современных вьетнамцев, постоянно подчеркивается дружелюбный характер вьетнамского народа. Вьетнам получает характеристику *края улыбок, солнца и тепла*.

Доклад рекомендован доктором филологических наук, профессором И.Т. Вепревой

Феденева Ю. Б.

доцент,

Юшкова Н. А.

доцент

ЦЕННОСТЬ ЧТЕНИЯ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Особую роль в личностном и профессиональном становлении молодого человека играет чтение, понимаемое как «уникальный способ освоения человеком жизненно важной информации, обеспечивающей социализацию и инкультурацию личности» [Шулер 2011: 132]. В процессе получения высшего образования чтение как вид речевой деятельности получает особый статус, что приводит к интенсивному развитию читательской компетенции и – шире – читательской культуры будущих специалистов.

Читательская компетенция носит метапредметный характер, она формируется в процессе разных видов чтения: учебного, профессионального, развлекательного (досугового), экзистенциального. Особый интерес в плане становления ценностных ориентаций и ценностных установок личности имеет последняя разновидность, которая предполагает чтение художественной литературы, воссоздающей ситуацию «концентрированного духовного и эстетического опыта» [Мелентьева 2013: 21]. Важным показателем читательской культуры студентов является мотивация выбора текста для чтения, определяемая ценностными предпочтениями молодых людей

Для выявления ценностных ориентаций студентов в отношении феномена чтения предметом исследования может быть круг чтения [Козырев 2007: 48], который понимается не просто как некий список произведений, которые прочитаны на данный момент, но как объем культурно значимых смыслов, присвоенных на уровне личностного внутреннего опыта.

На формирование круга чтения влияют внешние и внутренние факторы. К внешним факторам будут относиться возраст человека; семейные традиции; уровень и качество образования; сфера профессиональных интересов. Внутренние факторы определяются особенностями развития личности; внутренними потребностями и мотивами; выбором среды общения, отвечающей потребностям личности. Круг чтения формируется под влиянием семейных традиций и школьного обучения.

Важно понимать, что круг чтения представляет собой незамкнутую, открытую, концентрически организованную систему. Она состоит из центральной (ядерной) части и периферии, которые могут актуализироваться в разные периоды жизни человека. В ядро этой системы входят произведения, имеющие мировоззренческую значимость для личности.

Обозначенные аспекты учитывались при проведении диагностики, целью которой являлось выявление и описание ценностных ориентаций студенческой молодежи. В диагностике приняло участие 100 человек, молодые люди 17-18 лет. Из них 43% женщины, 57% мужчины. Среди опрошенных 72% проживают в крупных или средних городах Урала, Сибири, Якутии, Забайкалья, Алтая. Остальные 18% – выходцы из сел и поселков этих регионов.

Проведенный опрос показывает, что подавляющее большинство студентов понимают ценность чтения и стараются читать регулярно. 15% студентов читают каждый день; 31% – несколько раз в неделю; 15% – один раз в неделю; 15% – несколько раз в месяц; 9% – несколько раз в месяц, 9 % – несколько раз в год; 6% – практически не читают. Для части студентов вполне достаточным оказывается просмотр новостей в Интернете.

Среди причин, затрудняющих включение чтения в повседневную жизнь, опрошенные называют в основном отсутствие времени – 61%, отсутствие интереса к чтению отмечает только 9%. Однако глубинной причиной, как представляется, могут являться семейные традиции. Так, по данным опроса студентов члены их семьи читают лишь иногда, т.к. они заняты работой, учебой, домашними делами. Об этом говорят 57% студентов. Эти статистические данные прямо коррелируют друг с другом: если в семье приоритет отдается другим видам деятельности, то нехватка времени становится очевидным оправданием. Не закреплена традиция чтения в 10% семей, что напрямую связано с приведенными выше данными – 9 % студентов не имеют интереса к чтению. Традицию регулярного чтения в семье отмечает 31 % опрошенных.

О сформированности читательской культуры говорит не только количество времени, отводимого на чтение, или число прочитанных книг, но и потребность в обсуждении прочитанного с членами семьи или в кругу друзей. Книга становится предметом разговора достаточно часто: 43% молодых людей стремятся обсудить прочитанное, около 39% делают это лишь иногда. Остальные не испытывают такой потребности или не имеют такой возможности.

На выбор книги чаще всего влияют личные интересы, об этом говорят 88% студентов. Достаточно значимым фактором, определяющим выбор книги, является мнение, транслируемое через Интернет или распространенное в кругу друзей/сокурсников (по 19 % соответственно), мнение старшего поколения – преподавателей или членов семьи, родственников – тоже учитывается, но его вес несколько ниже (по 12% соответственно). Телевидение практически не оказывает влияния на формирование читательского интереса – только 2% студентов выбирают ту или иную книгу для чтения под воздействием телевизионных передач.

Более глубинным фактором наполнения круга чтения является внутренняя мотивация. Студентам задавался вопрос, почему они читают. Подавляющее

большинство опрошенных обращаются к чтению, движимые гедонистическими устремлениями – 66 % читают ради удовольствия. Это свидетельствует, с одной стороны, о позитивном отношении к чтению, с другой стороны, является тревожной приметой современного общества потребления, так как книга оказывается в одном ряду с другими источниками, дающими приятные эмоции: просмотром кинофильмов, общением с друзьями и т.п. Усиливает восприятие книги как атрибута легкого времяпрепровождения мнение о том, что книга нужна, чтобы отдохнуть, переключиться от текущих проблем – 36% ответов; чтобы заполнить свободное время, когда нечем заняться – 15% ответов. Конформистское отношение к книге демонстрирует 9% опрошенных: они читают, чтобы быть в курсе того, что все обсуждают. В таких случаях потенциал чтения художественной литературы как процесса формирования «смысложизненных ориентаций», «культуросберегающая функция чтения» [Национальные базовые ценности 2015: 23-24] практически не реализуются.

Традиционное восприятие книги как источника знаний показали 45% студентов, они читают для того, чтобы узнать что-нибудь новое. Показательной в этом отношении является установка на чтение книги как источника актуальной информации, которая отмечается у 11 % опрошенных, они отмечают, что читают для того, чтобы не выглядеть в глазах других недостаточно осведомленным человеком.

Прагматический подход к чтению при отсутствии потребности к этой деятельности демонстрируют 9 % студентов: они заявляют, что не любят читать, но заставляют себя, так как чтение полезно для развития человека.

Результаты проведенной диагностики свидетельствуют о том, что у студентов меняются ценностные установки при попытке осмыслить роль чтения в жизни человека в целом. В сознании молодых людей прочно закреплен общественно значимый стереотип о важности книги для расширения кругозора и развития интеллекта – это отметили 86%. Потенциал чтения книг для развития речи и обогащения словарного запаса личности осознают 74% опрошенных. Почти 60% считают книгу источником новых знаний об окружающем мире, а 27% студентов воспринимают ее как надежную опору в различных жизненных ситуациях, так как читают, чтобы узнать, как именно поступать и что делать. Важность книги для саморазвития осознают 68% опрошенных. Таким образом, восприятие книги как средства развлечения, актуальное для личного читательского опыта, уходит на второй план, когда книга осмысливается как значимый культурный феномен.

Чтение как технология интеллектуального развития, как способ обретения культуры является незаменимым механизмом формирования профессиональных и общекультурных компетенций будущих специалистов – интеллекту-

альной элиты общества. Исследование ценностных ориентаций студенческой молодежи позволяет описать уровень готовности личности к чтению, к восприятию многомерной ценностно-значимой информации, к постижению культурных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Круг чтения и языковая способность российского студента // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2007. № 10. С.46 – 50.
2. *Мелентьева Ю. П.* Многослойность чтения // *Кризис чтения: энергия преодоления: Сборник научно-практических материалов* / Редактор-составитель В.Я.Аскарова. – М., 2013. – с. 21.
3. Национальные базовые ценности и их динамика: результаты социолингвистического мониторинга / авторы-составители: Данилов С. Ю., Ицкович Т. В., Купина Н. А., Матвеева Т. В., Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н., Пикулева Ю. Б., Шалина И. В. / Отв. редактор И. Т. Вепрева. – Екатеринбург, 2015.
4. *Шулер И. В.* Психолого-педагогические механизмы развития читательской культуры личности в процессе обучения в вузе // *Образование и наука*. 2011. №8 (87). С. 131 – 146.

Цзя Пэнлин
аспирант

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹³

Институт семьи, вопреки социальным катаклизмам, сохраняет исконные национальные ценности, во многом основанные на конвенционально заданных отношениях между родителями и детьми. Домашний уклад и в русской, и в китайской культурах предполагает иерархию ролей. В «Домострое» – памятнике 16 века – содержится «свод наставлений, требующих беспрекословного повиновения главе семьи» [Словарь русского языка 1981. Т 1: 427]. Родительская любовь к детям и строгость – отличительные черты, проявляющиеся в речевом поведении родителей; уважение и послушание – обязательные параметры речевого поведения детей. Прочность китайской семьи также основана на уважении родителей, подчинении воле отца и матери. Эти моральные принципы транслируют устойчивые обороты китайского языка. Типичные аксиологические суж-

¹³ Работа выполнена при финансовой поддержке программы 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006.

дения: **不孝为大** – Быть непочтительным к родителям – большое зло;
百善孝为先 – Из всех моральных принципов самый важный – почитание родителей.

Внутрисемейные отношения всегда находились в центре внимания русских писателей. Предмет лингвоаксиологического анализа – пьеса уральского драматурга Ярославы Пулинович «Тот самый день». Автор воспроизводит повседневное существование неполной семьи и коммуникативные конфликты, которые возникают в ситуации совместного проживания "под одной крышей" матери, привычно выполняющей роль главы семьи, и 37-летней образованной дочери, которая привыкла подчиняться указаниям матери. Инициальные реплики матери характеризуются императивностью, сопровождаются модальностью долженствования: *Выключи эту гадость* (о телевизионном фильме); *И не говори при тете Лиде слово «постулаты»!* *Она подумает, что это что-то нехорошее*; *Красавица моя! Главное, запомни две вещи: не показывай, что ты умная и не будь дурой*; *Я тут подумала и решила – нам нужен ребенок*. Диалоги матери и дочери позволяют описать типичные «сбои в общении», которые приводят «к разрушению коммуникативного замысла сторон» [Матвеева 2010: 150], и выявить те сдвиги в ценностных предпочтениях представителей разных поколений, которые обуславливают «кризис кооперативной речевой коммуникации» [Купина 2016: 563], а также мотивируют личностный ценностный выбор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Купина Н. А. Уральская школа современной драматургии: основы эстетической конвенции // *Slavia Orientalis*. LXV. Nr 3. С. 557–571.
2. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов Н/Д.: Феникс, 2010.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 1. М.: Русский язык, 1981.

Доклад рекомендован доктором филологических наук, профессором Н.А. Купиной

Чиклина А.В.
магистрант

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СПОРНЫХ ТЕКСТОВ

В настоящее время СМИ все чаще фиксируют ситуации, в которых возникает возможность неоднозначного понимания представленной информации адресантом, адресатом и наблюдателем. Лингвисты-эксперты рассматривают

спорные высказывания и тексты с целью установления факта правонарушения и определения её степени общественной опасности (гражданские, уголовные и арбитражные дела) [Горбаневский 2006: 4], интерпретируют смысл и функцию речевых средств, вызывающих спор.

В докладе рассматриваются три разновидности спорных высказываний: высказывания, допускающие возможность разного понимания ключевых слов; высказывания, оскорбляющие честь и достоинство адресата или третьего лица; особо рассматривается нарушение прав интеллектуальной собственности.

Возможность семантической вариативности прослеживается на примере недавнего иска Ксении Собчак о (не) легитимности В.В. Путина в качестве кандидата на пост президента РФ. Спорным, с точки зрения Ксении Собчак, является следующее положение, зафиксированное в основном законе РФ:

«Одно и то же лицо не может занимать должность Президента РФ более двух сроков *подряд*» [Конституция: 24].

Слово «подряд» в тексте Конституции употреблено в значении «Один за другим, без пропуска» [ТСРЯ], что позволяет интерпретировать данный пункт статьи следующим образом: «Одно и то же лицо может занимать должность Президента РФ два срока без перерыва». В процессе экспертного анализа доказывается, что противоположный смысл «Одно и то же лицо не может занимать должность Президента РФ более двух сроков *подряд*» не соответствует содержанию статьи.

Выделяются высказывания в Интернет-СМИ, которые воспринимаются пользователями как оскорбительные.

Интерпретируется факт, связанный с нарушением права на интеллектуальную собственность о присвоении логотипа BLACK FRIDAY.

Частое фиксирование подобных спорных случаев и дальнейшее их пресечение с помощью административных штрафов лишь подтверждают расцвет транслирования антиценностных представлений, что, в свою очередь, дискредитирует правовое массовое сознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбаневский М.В. Как провести экспертизу спорного текста 2006, – 112 с.
2. Конституция Российской Федерации – М., 2014.
3. ТСРЯ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., М., 1997.

Доклад рекомендован доктором филологических наук, профессором Н.А. Купиной

ЦЕННОСТНЫЕ ЧЕРТЫ КИТАЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ СТУДЕНТОВ¹⁴

Познание мира и его видение как с рационально-логической, так и с чувственно-образной стороны является следствием оценочной деятельности человека и выражается посредством языковой системы. Н. Д. Арутюнова определяет оценку как «собственно человеческую категорию», которая «задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [Арутюнова 1984: 5].

Цель нашего исследования – выявить, какие характеристики Китая присутствуют в картине мира русских студентов, и проанализировать их в лингво-аксиологическом аспекте. Источником материала послужили данные анкетирования, проведенного среди студентов Уральского федерального университета (более 100 человек).

Испытуемым предлагалось закончить следующие высказывания:

- 1) Китай – это ...;
- 2) ..., как в Китае;
- 3) Это Китай, но ...;
- 4) Китайцы – какие они с Вашей точки зрения?
- 5) Приведите наиболее типичные прилагательные к слову Китай.

Лексемы-ассоциации, приведенные уральскими студентами, можно объединить в несколько групп. Во-первых, оценочные единицы, характеризующие положительные свойства Китая: *красивый, интересный, сильный, великий, хороший* и т.д. Во-вторых, хотя в настоящее время Китай приобрел значительный политический вес на международной арене, и он является одним из главных политических и экономических партнеров России, это государство в сознании студентов все еще остается *загадочным, таинственным, и даже странным, непонятным*.

Ценностные черты Китая представлены через характеристики его народа. Особенности Китайцев проявляются, прежде всего, во внешности. Например, *все похожи, желтый (цвет кожи), маленький, худой, небольшого роста, невысокий, черноглазый, черноволосый* и др. Большинство характеристик нейтрально, однако встречаются ответы отрицательные – *узкоглазый, узколобый, с узкими глазами* и т.п.

¹⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке программы 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006.

Уральские студенты отмечают и характерологические черты китайцев, и здесь наблюдается амбивалентность в оценке. Положительные качества китайцев – *трудолюбивые, добрые, умные, отзывчивые, дружелюбные, веселые, доброжелательные, целеустремленные, вежливые, культурные* и т.д. Но в то же время они *хитрые, шумные, замкнутые, слишком любопытные, пронирливые* и др.

Интересно отметить, что многие студенты положительно оценили умение китайцев играть в компьютерные игры. Например, *китайцы хорошо играют в компьютерные игры; китайцы хороши в киберспорте; китайцы в Dota 2 не плохо играют* и др.

В последние годы китайская кухня вызывает большой интерес у русских. Наши респонденты также отметили: *китайская еда вкусная, но и необычная; острая еда; вкусная и самобытная кухня; вкусная национальная кухня* и т.д.

Китайские технологии также получили широкое признание среди уральских студентов: *Китай хорошо ориентируется в технологиях; страна с развитой технологией; новые технологии мирового уровня; технологии лучше, чем в России* и т.д. Благодаря быстро развивающимся технологиям отношение русских к китайским товарам изменилось: *не все китайские вещи плохого качества; раньше думала, что все китайские вещи сломаются, но это не так; производят много качественных вещей; качественный товар; качество хорошее* и т.д.

Таким образом, данное исследование позволило увидеть, что в языковом сознании русских студентов закреплён преимущественно положительный образ этого государства.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984.

Доклад рекомендован доктором филологических наук, профессором О.А. Михайловой

Шалина И. В.
профессор

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ (на материале наставлений св. прп. Амвросия Оптинского)¹⁵

Существуют ценности, которые представляют для человека и социума наивысшую целесообразность, квинтэссенцию ценностного отношения как ре-

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

зультата формулирования смысла жизни. Находясь в критической ситуации ценностного выбора, люди способны отдать за них все, что имеют, даже свою жизнь. Такие ценности занимают главенствующее место в структуре персональной и национальной аксиосферы – мира, наполняемого ценностными смыслами социального бытия, являющимися регуляторами и смысложизненными ориентирами для человека и общества в целом [См.: Лингвистика и аксиология 2011: 17-19].

Семейная аксиосфера как устойчивая совокупность взаимосвязанных, пересекающихся семейных ценностей способствует самоутверждению личности. Это особый мир, со своей системой ценностей, мир, в котором сочетаются индивидуальные и коллективные начала. Пространство семьи – такое место, где происходит ценностное установление человека.

Проблема изучения семейной аксиосферы имеет стратегическую значимость. Постепенный отказ от традиционных элементов, заложенных в коллективном семейном мироощущении, утверждение на их месте индивидуальной свободы – основная тенденция развития семьи в современной России. В этом процессе прослеживается наличие противоречий между коллективными и индивидуальными ценностями семьи [Шеляг 1999: 42]. Семья перестает быть мистическим единством, становится аналогом «современного предприятия», что порождает, например, альтернативные модели взаимодействия мужчины и женщины, связанных брачными отношениями. В отличие от традиционной культуры, матрица современной культуры, делающая ставку на успех молодого человека, «не дает готового ответа на вопросы: «Кто я и с кем?», «Что для меня более, а что менее важно, к чему я должен стремиться и чем могу пренебречь?» – ответы на эти вопросы должен давать сам индивид» [Дилигентский 1994: 89]. Среди основных семейных аномалий называют принижение значения семьи, ослабление семейных связей; превалирование экономических ценностей над этическими, семейными; трактовка насилия (сексуального, полового, семейного) как неотъемлемой составляющей отношений мужчин и женщин; супружеская измена, развод, одиночество и неполная семья; культ секса, телесной любви в ущерб духовной составляющей отношений между мужчиной и женщиной; маскулинизация женщин и феминизация мужчин; гомосексуальные тенденции в обществе и др. [См.: Кидямкина 2014: 55].

Полнота культурной жизни современной России немыслима без учета того духовного наследия, которое открывается в опыте предыдущих поколений. Игнорирование этого опыта не созидательно. «Семья для русского человека всегда была средоточием всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка. Почти все этические и эстетические ценности складывались в семье, ус-

ваивались человеком постепенно, с нарастанием их глубины и серьезности [Белов 2013: 183]. Напоминание Д. С. Лихачева: «Беспамятство – разрушительно, память – созидательна» [Лихачев 1988: 1] – подчеркивает важность ориентации духовно-нравственных преобразований нашего времени на великие культурные традиции, в том числе и православные.

Русское старчество является одним из институтов, принадлежащих к сфере отношений православной традиции с окружающим внешним миром, социумом. Классическим примером несения этого ответственного и тяжелого иноческого подвига является деятельность прп. Амвросия Оптинского (1812-1891), подвизавшегося в Оптиной Пустыни с 1839 г. до конца своих дней. Мудрый, опытный, полный безграничной отеческой любви к людям, обладающий незаурядными коммуникативными способностями, прп. Амвросий принимал людей, стекающихся в Оптину за духовным советом, благословением, утешением, в том числе и за помощью в семейных делах.

Эпистолярное наследие старца открывает уроки христианского отношения к членам семьи, утверждает духовно-нравственные основы семейной жизни. В наставлениях старца, т.е. в назидательных указаниях, советах о том, как поступить в той или иной жизненной ситуации (пьет муж, сын отбил от рук, часты ссоры между супругами, умер любимый ребенок), эксплицируются важнейшие религиозно-нравственные ценности как основа счастливой семьи и гармонизации семейных отношений. В их числе ***страх Божий и послушание Богу*** (*Для вас довольно будет и того, если вы позаботитесь воспитать детей своих в страхе Божиим...*); ***молитва за ближнего*** (*Спасительно лишь то, чтобы о себе и о семействе молиться Богу*); ***семейная взаимопомощь*** (*Если бы супруги ровно по-христиански разделяли тяготу жизни своей, тогда людям и на земле было бы жить хорошо. Но как супруги часто бывают упруги, оба или один из двух, то наше благополучие земное и не упрочивается*); ***христианское воспитание*** (*Что вы благое посеете в душах своих детей в юности, то может после прозябнуть в сердцах их, когда он придут в зрелое мужество после горьких школьных и современных испытаний, которыми нередко обламываются ветви благого домашнего христианского воспитания*); ***почитание старших*** (*О почитении к старшим сказано в Писании: «старцу пакости не твори». Тем более дети обязаны всячески почитать своих родителей, стараясь успокоить всем, что не противно заповедям Божиим*) и многие другие.

Наставления старца часто сопровождаются цитатами из евангельских текстов (*детей вы обязаны учить, а от детей сами должны учиться, по сказанному от Самого Господа: «Аще не будете, яко дети, не внидите в Царствие Небесное»*), подкрепляются пословицами и поговорками, понятными простому человеку (*Неуместные выходки или вспышки перед родителями в любом*

случае непростительны. *Живет между людьми мудрое слово: яйца курицу не учат*). Получив духовное образование, прекрасно зная древние языки и обладая способностью к стихосложению, старец часто рифмовал свои наставления, чтобы по пословице (*Правда груба, да Богу любя*) «грубая правда в устах его, не казалась очень груба для чувствительных сердец» [Житие преподобного Амвросия 2012: 15]. Эти наставления, яркие, порой образные и шуточные, в несколько рифмованных строчек, выполняли разнообразные прагматические функции: учили, предостерегали, назидали, подбадривали. Они могли быть применимы не только для ситуаций семейного общения, например: *Мир тебе и милым гусяткам! Которые бывают иногда милы, иногда же и гнилы; Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного; Сам не юли и другим не вели; Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение; Для умиротворения надо дома смиряться, а не в далекий путь пускаться*.

Наставления прп. Амвросия представляют собой аксиологически заряженные суждения, позволяющие применить к ним методику лингвоаксиологического анализа: выявить номинации релевантных для семейной жизни ценностей, соотнести семейные и религиозные ценности, иерархизировать их по степени важности. В зоне особого интереса реконструкция ценностей и антиценностей в имплицатурах, анализ контекстов, содержащих прямую и косвенную оценку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистика и аксиология : этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. — 352 с.
2. *Шеляг Т. В.* Современная семья и социальная работа. М.: СТИ, 1999. — 400с.
3. *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Ин-т "Открытое о-во". М.: Наука, 1994. — 304 с.
4. *Кидямкина С. А.* Семиосфера семейных аномалий в современной русской лингвокультуре (на материале текстов художественной литературы конца 20-го – начала 21-го вв.) : дис. ... канд. филол. наук; Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2014. — 177 с.
5. *Белов В. И.* Лад. Очерки народной эстетики / предисл. С.Н. Семанов; отв. ред. О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2013. — 512 с.
6. *Лихачев Д. С.* Память преодолевает время // Наше наследие. № 1, 1988.
7. Житие преподобного Амвросия старца Оптинского. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной Пустыни. 2012. — 559 с.

ИСТОЧНИКИ

1. *Прп. Амвросий Оптинский*. Советы супругам и родителям. Казань, «Терирем», 2015. – 175 с.
2. Жить – не тужить: Изречения Амвросия Оптинского. М. : Никея, 2013. – 320 с.

Юань Сычао

магистрант

ЛЮБОВЬ – КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Ментальность определяется как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 2004: 15]. Общим местом в специальной литературе является следующее положение: эмоции у русских преобладают над разумом. Эмоции находят выражение в языке: с помощью слов, устойчивых сочетаний обозначаются как положительные, так и отрицательные эмоции. Слово является средством, с помощью которого говорящий выражает эмоциональное состояние и переживание. Одно из ключевых слов русской ментальности – любовь.

Эмоциональный концепт, именем которого является лексема любовь, находит многогранное отражение в различных словарях русского языка. Значения многозначного слова любовь систематизируются в толковых словарях. Основное значение: «чувство глубокой привязанности к кому-л., обычно основанное на врожденной, инстинктивной потребности; чувство искреннего расположения, симпатии, преданности к кому-л., основанное на взаимопонимании, уважении, благожелательном отношении и т.п.» [Толковый словарь ключевых слов русского языка 2014: 280]. Отмеченное значение, по данным толковых словарей разных лет, не меняется со временем. Семный состав значения свидетельствует о наличии ряда взаимосвязанных концептов.

Концептуальная значимость номинированного чувства подтверждается наличием в русском языке словообразовательного гнезда с вершиной любить – отмечено более 260 производных образований [Словообразовательный словарь 1985. Т.1: 559-561]. Для носителя русского языка как иностранного важны безэквивалентные единицы типа дружелюбие, правдолюб, чадолюбие, не имеющие, в частности, лексических параллелей в китайском языке. Анализ подобных слов способствует не только осмыслению словообразовательной системы русского языка, но и восприятию особенностей русской ментальности.

Ментальное своеобразие лексемы любовь как имени базового концепта отражается в специфике сочетаемости: любовь к мужу, любовь к матери, лю-

бовь к детям; любовь к родине, любовь к спорту, любовь к природе [См: Словарь сочетаемости слов русского языка 1983: 267].

Важной частью мирового культурного наследия является русская классическая проза о любви. Специальный предмет лингвоаксиологического анализа – рассказ А.И. Куприна «Гранатовый браслет» (1910). В тексте всего около 14 тысяч слов (Microsoft Word 2016); 86 раз встречаются слова с корнем – люб-. Критерий частотности свидетельствует об особой тематической и концептуальной значимости слов группы «любовь» в рассказе А.И. Куприна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Язык и ментальность: СПб.: Петербургское востоковедение. 2004.
2. Толковый словарь ключевых слов русского языка /под общ. рук. Г.Н. Складневской. СПб: ФИЛОЛ. Ф-Т СПбГУ, 2014.
3. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь: в 2 т. М.: Русский язык. Т.1, 1985.
4. Словарь сочетаемости слов русского языка /под ред. П.Н. Денисова. В.В. Морковкина. М., Русский язык. 1983.

Юшкова Н. А.
доцент

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЧИНЕНИЙ ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Развитие лингвоаксиологии, предметом которой является ценностное содержание языковых единиц, формирующих ценностные ориентации и ценностные установки носителей языка [Национальные базовые ценности 2015: 4], позволяет обозначить новые подходы к изучению феномена языковой личности. Языковая личность может быть описана на основе анализа созданных ею текстов, во-первых, как «индивидум и автор этих текстов со своими социальными и психологическими установками», во-вторых, как «типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива» [Матвеева 2010: 524].

Интерес для лингвоаксиологического исследования представляет языковая личность выпускника школы, поскольку окончание школы и получение аттестата предполагает развитое аксиологическое сознание, что отражено в требованиях, закрепленных в образовательных стандартах и других официальных документах.

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) по русскому языку наряду с тестовой частью включает задание, ориентированное на самостоятельное написание развернутого ответа (далее – сочинение), соотносимого с проблемным полем опорного текста через ключевые ценностные утверждения. В качестве опорного выступает предложенный в задании текст художественного или публицистического стиля, при работе с которым происходит закономерный выход на ценностные установки пишущих.

Используемые для проведения экзамена опорные тексты содержат четкие аксиологические ориентиры. Авторы текстов часто – известные русские писатели, публицисты, мыслители дореволюционного, советского и постсоветского периода: от Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, В. В. Вересаева, Ф.К. Сологуба до Ю. В. Бондарева, В. П. Катаева, Д. А. Гранина, В.А. Солоухина, Д.С. Лихачева, С. Л. Соловейчика и др. По наблюдениям русских мыслителей, философское отношение к действительности, задающее аксиологические установки личности, находит многомерное воплощение в текстах русских писателей и публицистов.

В опорных текстах репрезентируются национальные базовые ценности: *добро, милосердие, сострадание, преданность, верность долгу, мужество, стойкость, честь, трудолюбие, счастье, любовь, любовь к отечеству, красота, культура, образование* и др. С учетом характеристики текстов, определяющей соотношение в них объективной (знания, факты) и субъективной информации (мнения, оценки), опорные тексты являются субъективными, поскольку для работы на экзамене выпускнику предлагается текст, который служит не столько источником информации, сколько развернутым вербализованным отображением «своеобразного видения автором положения дел в мире» [Лингвистика и аксиология 2011: 25].

Опорные тексты отражают разноплановые аксиологические ситуации – фреймы, например: *начало войны и мобилизация; полярники – участники экспедиции в экстремальных условиях; жизнь с соседом-инвалидом в коммунальной квартире* и т.п. Описанная в опорном тексте ситуация часто сопряжена с нравственным выбором героя (героев), выявляющим жизненные приоритеты языковой личности, реконструированной в художественном или публицистическом тексте. Написание сочинения предполагает отклик пишущего на текст и отображенную в нем аксиологическую ситуацию, актуализирует необходимость индивидуального оценивания, сопряженного с личностным опытом выпускника (литературным и жизненным).

В опорном тексте имплицитно или эксплицитно описываются ценностные ориентиры, принципиально значимые для обозначенной аксиологической ситуации, через реконструированное в тексте взаимодействие героев, даются

ролевые предписания в соответствии со сложившимися национально специфическими способами «поведенческого реагирования в типичных коммуникативных ситуациях» [Национальные базовые ценности 2015: 4].

Аксиологический потенциал ситуации усиливается регулярным для опорных текстов столкновением разных типов реагирования, за которыми прослеживаются полярные ценностные ориентации и установки, репрезентирующие конфликт ценностей, например:

Начало войны и мобилизация: готовность к защите родной страны и добровольная мобилизация / нежелание рисковать жизнью, уклонение от мобилизации;

Работа полярной станции: готовность остаться вместе с коллективом в сложных обстоятельствах / страх перед силами природы и возвращение в комфортные и безопасные условия;

Жизнь с соседом-инвалидом в коммунальной квартире: понимание, сострадание, терпимое отношение / раздражение, неприятие, переходящие в бытовую агрессию.

Задание, которое выполняет выпускник при написании сочинения, носит комплексный характер, что проявляется в поэтапном оценивании опорного текста; формулировка задания [Демоверсия 2018] «запускает» необходимые аксиологические механизмы. Исходя из содержательных особенностей опорного текста и специфики задания, ответ ученика должен включать элементы самостоятельной аксиологической интерпретации, опирающейся на герменевтические процедуры. Можно выделить предполагаемые заданием этапы аксиологической интерпретации:

1. *Формулировка проблем опорного текста.*

Выявление и вербализация содержащейся в опорном тексте аксиологически маркированной проблемы в соотнесении с национальными базовыми ценностями.

2. *Комментарий к сформулированной проблеме.*

Анализ отражения проблемы в текстовом материале через описание аксиологически нагруженной ситуации, выявление и вербализация ценностных смыслов, воплощенных в текстовых иллюстрациях.

3. *Отражение позиции автора опорного текста в отношении выявленной на первом этапе интерпретации аксиологически маркированной проблемы.*

Определение мировидения автора: выявление и вербализация ценностных ориентаций и установок автора, воплощающего в своем тексте ценности, коррелирующие с константами национальной аксиосферы.

4. *Аргументация экзаменуемым собственного мнения по проблеме.*

Включение пишущего в ситуацию ценностного выбора, необходимость обозначения своей позиции, своей точки зрения относительно ценностных предпочтений автора текста и – опосредованно – к изображенной в тексте аксиологической ситуации.

Соотнесение авторской и личной точек зрения задается формулировкой задания прямо: *Напишите, согласны или не согласны вы с точкой зрения автора. Объясните, почему.* Помимо этого, выпускник должен представить развернутое объяснение, предполагающее отсылку к общекультурной традиции: *Свой ответ аргументируйте, опираясь в первую очередь на читательский опыт, а также на знания и жизненные наблюдения.* Аксиологический потенциал ситуации, которая отражается в опорном тексте, усиливается через ее сопоставление с общекультурными ценностями: «понимание старшекласниками духовных проявлений личности, жизненных целей и задач находится в зависимости от знаний текстов художественной литературы. Мысли о «главном», причинно-следственные зависимости формулируются авторами сочинений в проекции на поступки литературных героев» [Купина 2014: 111].

Аксиологическая интерпретация опорного текста и написание сочинения выявляет ценностные ориентации и установки, которые объективируются в письменной речи выпускника «как языковой /дискурсивной личности и в своей семантике отражают эмоционально-когнитивное состояние человека в его ценностном измерении» [Лингвистика и аксиология 2011: 10]. Уточнение методики лингвоаксиологического анализа в отношении текстов сочинений ЕГЭ по русскому языку позволяет «вычлнить как поверхностную содержательно-ценностную структуру текста, так и глубинную, имплицитную оценочность» [Шалина 2016: 123], что открывает новые возможности в изучении феномена языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демоверсия 2018 /Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена 2018 года по русскому языку [электронный ресурс] – М., 2018. – Режим доступа: <http://www.fipi.ru/about/news/proekty-kim-ege-i-oge-2018-goda>
2. Купина Н. А. Письменная речь старшекласника: зоны субъязыкового влияния // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве: монография / Отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 2014. — 324 с.
3. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. – Москва: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.

4. *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

5. Национальные базовые ценности и их динамика: результаты социо-лингвистического мониторинга / авторы-составители: Данилов С. Ю., Ицкович Т. В., Купина Н. А., Матвеева Т. В., Михайлова О. А., Михайлова Ю.Н., Пикулева Ю. Б., Шалина И. В. / Отв. редактор И. Т. Вепрева. – Екатеринбург, Издательский дом «Ажур», 2015. – 60 с.

6. *Шалина И. В.* К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) / И. В. Шалина, Ю. Б. Пикулева // Научный диалог. – 2016. – № 11 (59). – С. 121 – 137.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Тезисы докладов Третьего международного
научного семинара
(19 апреля 2018 г.)

Подписано в печать 12.04.2018.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,2. Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Ажур».

620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54, тел. (343) 350-78-28.

E-mail: azhur.ek@mail.ru, <http://www.ajur.ur.ru>

Заказ № 12/04-1.